

АЙВИ СМОУК

КОРОЛИ

«ЭМПАЙР-ХАЙ»

Айви Смоук
Короли «Эмпайр-Хай»
Серия «Эмпайр-Хай», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67962150

Короли «Эмпайр-Хай»:

Аннотация

Все знают Мэтью Колдуэлла. Очаровательного. Великолепного. Богатого. Когда он приглашает меня в жизнь богатых и знаменитых, я соглашаюсь в одно мгновение. Но что кроется за всем блеском и гламуром?

Тайны. Ложь. Предательство.

Все это за идеальной улыбкой и сшитом на заказ костюме. Я должна была сразу все понять, чем продолжать притворяться, что принадлежу его миру...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	80
Глава 8	90
Глава 9	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Айви Смоук

Короли «Эмпайр-Хай»

© Ivy Smoak, 2020

© Наталия Нестерова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Пятница

«Неприкасаемые». Именно так все называли братьев Хантеров и Колдуэллов. По крайней мере, так называла их Кеннеди. А поскольку кроме нее в новой школе со мной больше никто не разговаривал, приходилось верить ей на слово.

Возможно, это прозвище приклеилось к ним из-за того, что они были нереально богатыми. Богатыми в сотом поколении, о чем не особо распространяются на публике. Впрочем, стоило лишь взглянуть на их манеру держаться, и все сразу становилось ясно. Эта четверка как раз проходила мимо моего шкафчика в раздевалке.

А может, слово «неприкасаемые» намекало на их необыкновенно ослепительную красоту? Джеймс и Роберт Хантеры – какое клише – высокие и мужественные brunets. Мейсон и Мэттью Колдуэллы тоже были высокими и мужественными, но волосы у них отливали золотом. Тем же золотом, что и часы «Ролекс», выглядывавшие из-под рукавов их пиджаков.

Происхождение этого прозвища не казалось мне таким уж важным. Куда сильнее меня забавляла ирония – я ходила в эту школу всего неделю, но мне уже хотелось *прикоснуться* к ним.

Щелчок вспышки фотоаппарата заставил меня отвлекаться от восторженного созерцания братьев и переключить свое внимание на Кеннеди.

– Бруклин, что ты читаешь? – спросила она, не открывая взгляда от дисплея фотоаппарата. Она стояла, прислонившись к шкафчику рядом с моим, и не обращала ни малейшего внимания на прошествовавших мимо греческих богов. Возможно, через годик я тоже научусь их игнорировать. Но пока мне трудно было не глядеть в их сторону.

Я посмотрела на книгу у себя в руке. «Джейн Эйр». Я сунула ее в рюкзак к остальным романам, которые взялась почитать на выходных.

– Тоска какая! Не хочешь почитать что-нибудь повеселее?

Я рассмеялась, но мой смех прозвучал грустно и неестественно. Я уже и забыла, когда в последний раз смеялась от души. Однако Кеннеди попала в яблочко. Я уже несколько раз начинала читать эту книгу, но никак не могла сосредоточиться на тексте. И не потому, что роман казался мне скучным, а потому что мне не удавалось проникнуться болью другого человека, ведь моя собственная боль все еще была так сильна.

– Мы же проходим ее по английской литературе.

Кеннеди оторвалась от своего фотоаппарата.

– Ну так прочитай в кратком пересказе.

Я удивленно покосилась на подругу. Она ведь несерьезно, правда? Ей удалось попасть в эту школу только потому, что

она получила стипендию на обучение. Я же оказалась здесь благодаря своему дяде, который работал в школе уборщиком. Нашей семьей повезло, никак иначе меня в такое престижное заведение бы не приняли – связи решают многое. Даже такие связи. Другим словами, мы с Кеннеди должны были хорошо учиться, чтобы нас не исключили. Мы счастливики, которые попали в лучшую старшую школу Нью-Йорка. И пусть мне совсем не нравились новая школа и большинство учившихся в ней снобов, я не собиралась упускать свой шанс и начинать все с нуля. Снова. Так что мне даже в голову не приходила мысль пренебречь чтением «Джейн Эйр», которую нам задали, только потому, что книга была унылой.

– Не могу. И ты тоже не хочешь получить плохую оценку, верно? Сомневаюсь, что в государственной школе тебе выдадут фотоаппарат для занятий. И уроков по фотографии там наверняка тоже нет.

Кеннеди рассмеялась.

– Я и сама знаю! Когда фотографирую на улице, то боюсь даже не ограбления, а как бы меня не арестовали за то, что у меня такая дорогая камера. – Грабителей тоже стоит опасаться. – Я приехала в город всего несколько недель назад, но уже поняла, насколько здесь тревожно жилось. Вой сирен не давал мне уснуть по ночам. Впрочем, у меня и без того были проблемы со сном.

– Если честно, мне кажется, мистер Томсон даже пережи-

вать из-за этого не станет. Он немного поругает меня и даст новую. Одно из преимуществ учебы в «Эмпайр-Хай». – Она отступила на шаг назад и поднесла фотоаппарат к лицу. – А теперь «улыбочку»!

Я покачала головой.

– Мне пора домой. Перед работой нужно приготовить что-нибудь дяде на ужин. Иначе он опять закажет еду навынос.

Кеннеди все равно вновь сфотографировала меня. – А что плохого в еде навынос? Мы с мамой часто покупаем ее, когда она задерживается.

– Это не очень полезно.

– Вижу, ты довольно быстро освоилась в новой школе! – Подруга подтянула вверх юбку, чтобы та казалась короче – так делали все популярные девчонки в школе. – Сырные палочки? – поинтересовалась она, а затем театрально смахнула с лица прядь волос. – Какие еще сырные палочки? Я ем только дикого лосося, которого мой личный повар подает мне на серебряном блюде!

Я рассмеялась, на этот раз искренне.

– Перестань!

И она еще удивлялась, почему одноклассники не хотели с ней общаться. Не то чтобы я ее в чем-то винила. Кеннеди – невероятно харизматичная девушка. Не такая тихоня, как я. Возможно, поэтому мы и подружились. Она излучала энергию, которой мне так не хватало, а я нуждалась в поддержке, ведь большую часть времени не могла даже нормально

дышать.

Кеннеди снова взбила свои кудри.

– Просто... Я никогда еще не брала в руки нож! И понятия не имею, как им пользоваться. Им же режут? Ох, лучше заплачу другим, чтобы они сделали это вместо меня.

– Думаю, ножом пользоваться все умеют.

– Не уверена. Но можешь спросить об этом у королевы школы.

Кеннеди опустила юбку на место. Как раз в этот момент в коридоре появилась Изабелла в сопровождении своих злобных подружек.

– Я с нетерпением жду сегодняшнюю вечеринку! – воскликнула Изабелла достаточно громко, чтобы мы ее услышали. Наверное, хотела лишний раз напомнить, что нас на нее не позвали. Да, черт возьми, я до этого момента и не слышала ни про какую вечеринку! И меня совершенно не волновали подобные мероприятия. В прежней школе я не ходила на тусовки, потому что работала все выходные. В «Эмпайр-Хай» вряд ли что-то изменится.

Высокие каблуки Изабеллы звонко цокали, пока она шествовала по коридору. Она училась в выпускном классе и была такой же знаменитой, как и «Неприкасаемые». Только, в отличие от них, ее не уважали, а боялись. По крайней мере, я.

Я принялась застегивать молнию на рюкзаке, ожидая, когда смолкнет назойливый цокот. С Изабеллой мы общались

лишь однажды. Да и то, общением это вряд ли можно было назвать. Как-то во время ланча она заметила, что я пристально рассматриваю «Неприкасаемых». Мне стоило избавиться от этой дурной привычки, пока она не привела к проблемам посерьезнее, чем насмешки Изабеллы.

Наконец стук каблучков прекратился. Но, увы, Изабелла остановилась прямо напротив нас. Я подняла на нее взгляд.

– У тебя на кедах дырка, – сказала она мне. Точнее, говорила она в пустоту, словно меня не существовало. Такая у нее манера общения – говорить с пустым местом.

Ее подружки захихикали.

Я посмотрела на свои кеды, хотя уже знала, о чем идет речь. Сбоку, у резиновой подошвы, отошла ткань и образовалась дыра. Я уже скопила достаточно денег, чтобы купить новые, но эти кеды мне подарила мама несколько лет назад на день рождения. А любое напоминание о ней было для меня особенно важно.

– Не слушай ее, – вмешалась Кеннеди. – Изабелла просто завидует. С ее ногами можно ходить только на высоченных шпильках, а ты и в кедах выглядишь замечательно.

Изабелла расхохоталась.

– Я и в дешевых кроссовках буду смотреться на миллион долларов. Но... тебе не кажется, что в такое престижное место подобную обувь надевать не стоит?

Я попыталась расправить плечи, чтобы выглядеть так же уверенно, как и Кеннеди. Но мне совершенно нечего бы-

ло ответить. Если только подчеркнуть, что моя обувь – отнюдь не дешевая. Пятьдесят долларов для меня – долгие часы работы. Но для Изабеллы, возможно, это лишь крошечная часть карманных денег. Если, конечно, у богатых бывают карманные деньги. Возможно, она пользовалась кредитной картой без установленного на ней лимита.

– Лучше бы ты выкинула этот дешевый хлам, – посоветовала Изабелла. – Выглядит по-уродски. Поверь мне, милая, я делаю большое одолжение, что говорю тебе об этом.

Мама называла меня «милой». Но совсем *не таким* тоном. Мамин голос был наполнен любовью и теплотой. Господи, как же я по ней скучала. Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. – Еще не хватало, чтобы ты расплакалась, – презрительно усмехнулась Изабелла.

Она не понимала. Да и как такой человек мог меня понять? У нее было все. А у меня – только воспоминания о том, как меня любила мама. Но и эти воспоминания стали чем-то далеким после того, как дядя, внезапно появившийся в моей жизни, приютил меня. Еще у меня осталась эта пара кед, к которым я так прикипела душой.

Изабелла задела меня, но я все равно никуда не уходила. Терпела ее жестокие насмешки, чтобы она не увидела, как я убегаю в слезах.

На фотоаппарате Кеннеди снова сработала вспышка.

– Фотографируешь меня для своего проекта? – спросила Изабелла. – Надо же!

– Нет. В моем проекте не будет фото таких мерзких людей, – ответила Кеннеди. – Я просто хочу запечатлеть, какая же ты невыносимая!

Изабелла только закатила глаза.

– Пойдем, – сказала Кеннеди и дернула меня за руку.

Я закрыла свой шкафчик и повесила рюкзак на плечо. Смех Изабеллы и ее подруг эхом звучал у меня в голове, пока мы проходили через украшенные резьбой деревянные двери школы. Раньше я любила, когда лето заканчивалось и наступала осень. Но в Нью-Йорке смена сезонов ощущалась не так явно. Здесь повсюду был бетон, а воздух казался холодным и промозглым.

– Знаешь, Бруклин, когда-нибудь я покажу Изабелле это фото. Она вспомнит наш разговор и ей станет стыдно. Однажды она пожалеет о том, что вела себя как стерва.

Может быть. А может быть, и нет.

Я оглянулась, надеясь, что Изабелла не пошла за нами, дабы продолжить издевательства.

Школа «Эмпайр-Хай» находилась между двумя небоскребами. Можно было подумать, что она легко затеряется среди таких громадных зданий. Но нет. Напротив, она выделялась на их фоне благодаря готической архитектуре. Лестница, ведущая к входу, казалась бесконечной, и у меня всю неделю болели мышцы на ногах. Портик перед входом поддерживали мраморные колонны. Надпись, сообщающая о названии престижной академии «Эмпайр-Хай», сверкала в лучах

солнца, и я не сомневалась, что буквы были сделаны из настоящей бронзы. Это здание скорее напоминало замок, чем школу. И, поднимаясь по ступеням, я чувствовала себя здесь настолько же чужой, как если бы в самом деле входила в старинный особняк.

– Вот увидишь, – с умным видом заявила Кеннеди, – пройдет время, и Изабелла все поймет. Когда-нибудь мы с тобой разбогатеем и заставим ее признать свои ошибки. Потому что, даже став нереально богатыми, мы все равно не будем такими засранками.

Я ничего не ответила. Раньше я мечтала разбогатеть. Когда мы с мамой жили в Делавэре и едва сводили концы с концами, мне казалось, что деньги могли бы все исправить. Но после того, как мама заболела, самым ценным для меня стало время. Мне его постоянно не хватало. Я долго не могла ни о чем больше думать. Я до сих пор это ощущала. Это как бомба с часовым механизмом, отсчитывающая секунды до взрыва. Но разве она не взорвалась тогда, когда я похоронила маму? Когда переехала сюда? Когда начала ходить в эту школу, где мне явно было не место? И все равно я до сих пор слышала тикающий звук. Словно в скором времени снова случится нечто ужасное. Еще один взрыв. Хотя и от первого я едва успела оправиться.

Я увидела, что «Неприкасаемые» уезжают на мерседесе Джеймса. И хотя Кеннеди дала им такую кличку, в школе все понимали, что неприкасаемыми не они. Этот титул принад-

лежал мне и всем ребятам, учившимся на стипендию, вроде Кеннеди. Мы были настоящими неприкасаемыми. Потому что не принадлежали к их миру. И никогда не будем принадлежать.

Глава 2

Пятница

– Ты готова? – спросила с кухни Кеннеди.

Я подпрыгнула от неожиданности и ударилась головой о полку своего шкафа. *Ой!* Никак не могла привыкнуть к тому, что у нее был ключ от квартиры моего дяди. Нет, меня это совсем не возмущало. Ее мама и мой дядя довольно близко общались и уже сто лет как были соседями. Если бы не их дружба, Кеннеди ни за что не приняла бы меня в свой ближний круг... состоявший из одного человека. Теперь он расширился до нас двоих.

Кеннеди вошла в мою комнату, наслаждаясь одним из вегетарианских буррито, которые я приготовила для дяди.

– Когда будешь украшать комнату? – спросила она и откусила от буррито еще один огромный кусок.

Хоть она и признавалась в своей любви к фастфуду, моя стряпня ей, похоже, тоже была по душе. – Мне нечем особенно украшать.

Я солгала. У меня сохранилось множество фотографий. Почти на всех были мы с мамой. Даже вспоминая об этом, я начинала плакать. Смогу ли я каждый день смотреть на ее улыбающееся лицо? Я прогнала эти мысли и завязала волосы в хвост.

– Я про постеры и тому подобное, а не про всякие дорожные вазы. Сейчас это больше похоже на номер в гостинице, чем на твою комнату. Ты должна здесь обжиться.

– Я обжилась.

– Ага, ты до сих пор не разобрала коробки! – Она толкнула ногой одну из них. – Я распечатала несколько фотографий для тебя. Неудивительно, что ты редко улыбаешься. Я бы тоже загрустила, если бы читала «Джейн Эйр» и жила среди голых бежевых стен.

Я постаралась одарить ее самой лучезарной улыбкой, на которую у меня только хватило сил. Ведь мы обе знали, что мне было так тяжело улыбаться вовсе не из-за цвета стен в моей комнате и не из-за книги, которую я читала. И я просто обожала Кеннеди за то, что она не напоминала мне о маме. – Так ты готова? – спросила она.

– Да.

Кеннеди по-прежнему рассматривала мои коробки.

– Хочешь, я помогу тебе их разобрать, когда мы вернемся?

Сначала мне захотелось отказаться. Но потом я вспомнила, что сегодня вечер пятницы. А вечером в пятницу все нормальные подростки тусуют со своими друзьями, так ведь?

Возможно, мне тоже стоило отвлечься хотя бы на несколько часов.

– Было бы здорово.

– Круто! – Она взяла меня под руку и повела из моей ком-

наты в коридор.

– И кстати, спасибо, что устроила меня на эту работу.

Кеннеди работала в компании, обслуживающей различные банкеты и вечера, и позвала меня к себе. Дядя говорил, что мне необязательно работать. Но я и так свалилась на него несколько недель назад как снег на голову. Не хотелось бы обременять его еще больше. Я решила, что буду помогать ему оплачивать жилье, и неважно, хотел он этого или нет.

– Не стоит благодарить меня. Это мало чем отличается от нашей учебы в школе. Ходишь с подносами и подаешь местной элите закуски, названия которых я не могу даже выговорить. К тому же, никаких чаевых. Но, честное слово, это лучше, чем быть официанткой. Работать в Нью-Йорке официанткой – это просто кошмар. Тут все идут в официанты: начинающие актеры, писатели и прочие. Текучка безумная! Я поработала в дюжине ресторанов, прежде чем устроилась сюда. Ненавижу чувствовать себя ненужной.

– Поверь мне, тебя нельзя назвать ненужной.

Я вот, к примеру, не знала, что бы я делала без Кеннеди.

Подруга взяла меня за руку, когда мы вышли на улицу. К вечеру сильно похолодало. Прижавшись друг к другу, мы пробирались через толпу на тротуарах. Да, мы с Кеннеди совсем недавно познакомились, но я уже чувствовала себя спокойно и расслабленно, даже если мы просто молчали. Ни с кем из моих друзей в Делавэре я не испытывала такой душевной близости. Возможно, из-за того, что, когда моя жизнь

рухнула, они не попытались поддержать меня, а только испытывали жалость. Кеннеди знала, что такое потерять близкого человека. Дядя рассказал мне, что ее отец умер, когда она была еще совсем маленькой.

– Поделишься «страшной» правдой про кеды? – неожиданно спросила Кеннеди. – В одной из твоих нераспакованных коробок я видела и другую обувь. Без дырок.

– Мне их подарила мама. – Я старалась говорить спокойно. В тот день я уже дала волю чувствам, нужно было научиться держать себя в руках.

– А... по-моему, они милые.

– Спасибо.

Кеннеди могла бы спросить меня еще о чем-нибудь, но она не стала этого делать. Думаю, мама провела ей краткий инструктаж по «основам» моего прошлого и велела не мучить меня расспросами. Но если я и готова была с кем-то говорить о случившемся, то только с Кеннеди.

– Я скучаю по ней, – призналась я.

– Мне кажется, лучше вспоминать, а не скучать.

Сколько раз я слышала от людей: «Мне очень жаль»? Бесчисленное количество! Вот только на самом деле они лгали. Понять меня мог только тот, кто сам потерял любимого человека.

– Какие воспоминания у тебя связаны с отцом? – спросила я.

– Ого! Кто бы мог подумать, что твой дядя окажется таким

сплетником? – усмехнулась Кеннеди, но все-таки ответила: – Отец был очень тихим. – Она посмотрела на небо. – Мы с ним любили разглядывать облака на крыше нашего дома. От него всегда пахло сигаретами. Мне нравится этот запах, хотя, честно говоря, к курению я отношусь негативно. Я улыбаюсь, когда ощущаю запаха никотина... А ты совсем не помнишь своего отца? – Нет. Я его не знала. Мама говорила, что он бросил нас, когда узнал, что она беременна.

– Вот сволочь! Зато твой дядя совсем другой. Он тот еще сплетник, но очень добрый. Тебе повезло.

Я совсем не чувствовала себя везучей. Дядю я почти не знала. Он приютил меня, когда я оказалась на улице, что, по определению, добрый поступок. Так что мне стоило приложить больше усилий, чтобы узнать его. К слову, я добавила этот пункт в мой бесконечный список дел, которые необходимо выполнить, чтобы не доставлять дяде неудобств.

– Так что за вечеринку мы сегодня обслуживаем?

– Кажется, день рождения какого-то богатенького старикана. Да какая разница? Всего три часа, а потом устроим себе девичник.

Мы остановились перед незнакомым отелем. Я уже собиралась шагнуть к центральному входу, как вдруг Кеннеди схватила меня за руку.

– Мы должны обойти вокруг.

Я рассмеялась, но замолчала, увидев выражение ее лица.

– Ты серьезно? Типа... вход для прислуги?

– Нет. Вход для персонала. Ты в каком веке живешь? В начале XX-го? Мы же не в сериале «Аббатство Даунтон». Ладно, пойдем, я тебе покажу.

Она потащила меня мимо отеля, и мы свернули на грязную боковую улочку. С этой стороны, скрытой от посторонних глаз, отель выглядел довольно обветшалым. Ржавая дверь была приоткрыта, и холодный воздух проникал в служебное помещение без кондиционера.

Я оглянулась на большую улицу. Женщины в длинных платьях, мужчины в смокингах... А на мне красовались дырявые кеды, теперь уже и черный фартук, и я собиралась войти через дверь, которая выглядела, как в фильмах ужасов! Я давно привыкла к бедности. Тут ничего нового. Но меня еще никогда не окружало такое количество немыслимо богатых людей! Я в жизни не чувствовала себя настолько не на своем месте.

– Честное слово, все не так уж и плохо, – сказала Кеннеди, проследив за моим взглядом. – Для богачей мы невидимки. Их интересуют только вкусы, которые мы разносим.

Невидимки. Мы определенно были неприкасаемыми. Но, пока рядом стояла Кеннеди, меня это не особо беспокоило. Уж лучше быть неприкасаемой, но вместе с ней, чем в роскошном платье, но с ужасными людьми вроде Изабеллы.

По крайней мере, с королевой драмы мне предстояло увидеться не раньше понедельника.

– А самое замечательное, что богачи никогда не съедают

все блюда! И остатки мы делим между собой. Так что приготовься, твои вкусовые рецепторы скоро просто взорвутся. Строго говоря, это нельзя назвать едой навынос. Так что тебе должно понравиться.

Дорогая еда не всегда бывает полезна. Я почему-то подумала о куче сливочного масла, чтобы придать закускам более яркие нотки. При мысли об этом у меня заныло в груди. Самая вкусная еда дома, и мне внезапно так захотелось туда вернуться! Не в маленькую квартирку моего дяди. А в мой настоящий дом. В дом, которого у меня больше не было.

Глава 3

Пятница

Дома я каждый день работала в закусочной, которая находилась на нашей улице. Она была маленькой и уютной, поэтому я оказалась совершенно не готова к тому, что увидела здесь. Я покрепче сжала поднос, глядя на других официантов, держащих с профессиональной непринужденностью подносы на одной руке. Сначала я боялась, что они их уронят... но ничего подобного. У них все получалось. Причем мастерски.

Я положила поднос на ладонь и подняла его, стараясь подражать опытным официантам. На нем возвышалась целая гора тарталеток с грибами. Он был тяжелым и громоздким, но, по крайней мере, мне не пришлось с ловкостью фокусника разносить шампанское. В противном случае я бы точно уронила все бокалы на пол. Или опрокинула их на чье-нибудь дорогое платье.

— Готова к одному из лучших моментов в своей жизни? — спросила с улыбкой Кеннеди. — Шучу! К одному из худших. Давай уж покончим со всем этим. — Она вышла из кухни в банкетный зал с видом самой крутой официантки на свете.

Я быстро последовала за ней, чтобы мне не пришлось самой открывать огромные двери.

– Тарталетки с лесными грибами? – спрашивала я тех, мимо кого проходила, и держала голову опущенной, стараясь оставаться невидимкой. Оказалось, это довольно просто. У меня в буквальном смысле получилось стать невидимой.

Несколько минут спустя мои бицепсы стали ныть от тяжести подноса. Правда, чем больше тарталеток я раздавала, тем легче он становился, и меня это немного утешало. Я открыла рот, чтобы уже, наверное, в сотый раз сказать: «Тарталетки с лесными грибами»! Но слова застряли в горле. Прямо передо мной возник Мэттью Колдуэлл! В смокинге, так идеально облегавшем его мускулистое тело, словно сшит он был специально для него. Ему даже не нужно было оборачиваться, я и так его сразу узнала. Эти золотые волосы. Широкие плечи. И потом, его старший брат Мейсон и братья Хантеры стояли рядом. К счастью, они тоже не обратили внимания на меня и мои пахучие тарталетки. Честно говоря, у меня было много времени на занятия по предпринимательской деятельности, чтобы хорошенько изучить затылок Мэтта, и его затылок я запомнила куда лучше, чем содержание этих уроков.

Когда он рассмеялся, внутри у меня все сжалось. «Неприкасаемые» всегда выделялись на фоне остальных благодаря своей мужественной красоте, но в Мэттью было нечто особенное, что так и притягивало мой взгляд. Именно на него я всегда смотрела во время ланча. Идя по коридору. После занятий. Из-за этой дурной привычки у меня часто возникали неприятности с девочками вроде Изабеллы. Хотя... неле-

пость, ведь ни один из «Неприкасаемых» даже не смотрел в мою сторону. Даже сейчас, когда я предлагала им маленькие бесплатные тарталетки. Так что я ни для кого не представляла угрозы. Я была невидимой созерцательницей идеальной красоты.

И тут Мэттью начал поворачивать голову.

Вот черт! Я невольно метнулась в противоположную сторону и едва не стукнула Кеннеди по лицу своим подносом.

– Боже мой, Бруклин, ты что делаешь? Едва не сшибла меня вместе с моими спанакопитами¹!

С большим трудом сохранив равновесие, я постаралась отвести ее подальше от парней, встречи с которыми так старалась избежать.

– «Неприкасаемые» здесь, – прошептала я, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик.

Раздражение на ее лице тут же сменилось удивлением.

– О господи, правда? Как неудобно. – Она заглянула мне через плечо и вздохнула. – По крайней мере, Изабеллы и ее цветника тут... – Она внезапно замолчала, а потом с досадой продолжила: – Хотя нет, и они тоже здесь.

Я обернулась и увидела Изабеллу. Та бесстыдно флиртowała с Джеймсом, старшим из братьев Хантеров. В школьной форме, в пиджаке и галстукe он всегда выглядел таким мужественным. А как он смотрелся в смокинге... У меня аж дыхание перехватило. У кого еще из старшеклассников был

¹ Греческие пироги со шпинатом и сыром фета. – *Здесь и далее – прим. пер*

собственный смокинг, который он, к тому же, умел носить так безупречно? *У Мэттью, конечно, у кого же еще!*

Я уже собиралась перевести взгляд на «Неприкасаемого», от которого я всегда была не в силах оторваться, как вдруг Джеймс поднял свой бокал с шампанским. У меня мелькнула мысль, что ему еще рано пить шампанское. Но тут он поймал мой взгляд, и я приросла к месту. Не потому, что он был Джеймсом Хантером. Не потому, что ему еще рано было пить алкоголь, а я застучала его за этим. И не потому, что он улыбался, глядя *сквозь меня*. А потому, что я почувствовала всепоглощающую грусть, волнами исходящую от него. Он улыбался, но глаза его не смеялись. Это была лишь фальшивая гримаса вроде той, которую я изображала на своем лице, пока находилась в школе.

Просто возмутительно, когда такой красивый человек грустит! Возможно, ему не хотелось развлекаться, потому что Рейчел, с которой, по слухам, он встречался, не было на вечере? Или же его раздражало, что Изабелла так бесцеремонно клеилась к нему, хотя у него имелась девушка? Джеймс осушил свой бокал и взял еще один.

Быть может, я была не единственной в этом банкетном зале, кто ощущал себя потерянным. Подавленным. Кто с трудом сдерживал свои чувства.

Джеймс выпил еще один бокал, и я отвернулась. Я и представить себе не могла, что у меня с «Неприкасаемыми» могло быть нечто общее. Они были богами «Эмпайр-Хай». И

совсем на меня не похожими. *Правда же?*

– Что будем делать? – спросила я.

Кеннеди только пожала плечами.

– Останемся, как и прежде, невидимками. Они вряд ли снизойдут до общения с нами здесь, за пределами школы. К тому же они, скорее всего, и не узнают нас.

Кеннеди была права. По коридорам школы мы передвигались, точно призраки. И Джеймс улыбнулся не потому, что узнал меня. Банальное проявление вежливости. Очень грустной вежливости. Впрочем, одна проблема все-таки существовала.

– Только вот... Изабелла сегодня говорила с нами.

– Ага. Чтобы продемонстрировать свой стервозный характер. Но она не станет так себя вести на глазах у толпы.

– Уверена? – Я почему-то в этом сомневалась. Мне казалось, что Изабелла не способна включать или же выключать свою стервозность по щелчку. В этом заключалась вся ее натура.

Я посмотрела на свои порванные кеды... Та приятная легкость, которую я испытала, когда увидела Мэттью, превратилась в тяжелый комок, упавший на дно желудка.

– Я абсолютно уверена. В противном случае она признается, что знакома с нами. А для нее это наверняка *страшно унижительно*. – Вероятно, Кеннеди заметила выражение моего лица, потому что тут же добавила: – Отдай мне оставшиеся таралетки и иди отдышись немного. Я буду через се-

кунду.

Я осторожно переложила тарталетки на ее поднос и направила прямоиком на кухню. Моя реакция на встречу с «Неприкасаемыми» была очень странной. Кеннеди говорила разумные вещи. И все же я почувствовала, как мне стало трудно дышать.

Я прислонилась к стене, попыталась взять себя в руки и успокоиться.

– Давай, выкладывай уже! – сказала Кеннеди.

От неожиданности я даже подпрыгнула. Каким образом Кеннеди вечно подкрадывалась ко мне? Без единого звука! Она ведь не ниндзя?

– Что выкладывать? – Я и так весь вечер старалась не наговорить лишнего.

– Что у тебя за дела с «Неприкасаемыми»? Только, пожалуйста, не говори, что тебе хочется стать такой же, как они. Ты для этого слишком хороший человек. – Откуда ты знаешь, может, они тоже хорошие?

Кеннеди удивленно приподняла брови.

– Я учусь в «Эмпайр-Хай» уже год, и они ни разу не сказали мне ни одного слова.

– А ты им что-нибудь говорила?

Она рассмеялась.

– Нет, конечно. Но, если серьезно, какая разница?

Я прижалась затылком к стене. Как я могла объяснить ей, что постоянно нахожусь в оцепенении, и что это ощущение

проходит, только когда я вижу Мэттью, когда меня всю охватывает волнение? Лишь это ощущение помогало мне держаться на плаву.

Я прекрасно понимала, как прозвучали бы мои слова.
Жалко.

– Пока мы вместе, я не переживаю насчет мнения людей. Пусть считают нас изгоями – плевать. Но что плохого, если мне нравится их рассматривать? Они же такие красивые.

– Любоваться совершенством не запрещено, и дурного в этом ничего нет. Но вдруг тебя застукают? Вдруг после созерцания-такого-совершенства ты захочешь познакомиться с этими парнями поближе? Видишь ли, Бруклин, такие парни никогда не встречаются с девчонками вроде нас. Так не бывает.

– Но Джеймс встречается с Рейчел. А говорят, что она учится в государственной школе.

– Ага... он с ней встречается. *До поры до времени.* Но все в этом зале понимают, что женится он на Изабелле.

Я не знала. И не хотела этому верить. Но потом я вспомнила грустную улыбку Джеймса. Жизнь не всегда складывается так, как мы желаем. Уж кто-кто, а я это отлично понимала.

– Только не говори, что ты надеешься выйти замуж за Джеймса, – рассмеялась Кеннеди.

– Нет. – Я не смогла бы жить вместе с таким грустным человеком. Я была бы не в силах спасти его, ведь сама нужда-

юсь в спасении. Мы бы оба утонули.

– О боже! Так ты рассчитываешь, что один из них женится на тебе?

– Ничего подобного я не говорила! – возмутилась я, оттолкнувшись от стены.

Что за вздор? Моя жизнь совсем не походила на сказку. О свадьбе я никогда не мечтала. С детства я была уверена, что сама заработаю себе на жизнь. Что мужчины вроде отца прячутся за каждым углом. Я даже не могла с уверенностью сказать, похож ли Мэттью на моего отца, так как не знала ни того, ни другого.

Я принялась раскладывать тарталетки у себя на подносе. Кеннеди вышла в банкетный зал следом за мной и держалась рядом, пока мы ходили мимо гостей.

– Так значит, Мейсон? – с любопытством спросила подруга. – Я бы сама не отказалась просыпаться каждое утро рядом с таким роскошным парнем.

Я рассмеялась.

– Поверь мне, о свадьбе я даже не задумывалась!

Но на Мейсона я все-таки взглянула. Широкие плечи являлись отличительной чертой братьев Колдуэллов. Не зря ведь они стали звездами футбольной команды «Эмпайр-Хай». Школьные знаменитости, на счету которых значилось множество блестящих побед в разных чемпионатах. Хотя статус «Неприкасаемых» они получили бы и без соревнований. Мейсон, старший из братьев, обладал таким телом,

что любая старшекласница отдала бы душу, лишь бы провести с ним ночь. И хотя я была новенькой, это я поняла еще до того, как Кеннеди мне обо всем рассказала. Мейсона не особо заботили обязательства. Легкомысленный. И убийственно привлекательный. При этом, однако, тоже ужасно грустный.

После того, как я увидела печальную улыбку Джеймса, безупречный фасад «Неприкасаемых» дал трещину. У меня с ними оказалось намного больше общего, чем я могла предположить. Теперь еще и в глазах Мейсона я заметила ту же грусть.

Неужели окружающие тоже видели мою печаль, когда смотрели на меня?

Вероятно, чтобы распоряжаться большими деньгами, нужно исполнять определенные обязательства. Обязательства, о которых я ничего не знала. Возможно, у старших братьев был такой усталый вид оттого, что на их плечах лежал тяжелый груз? Это тоже нас сближало. Вот только моя ноша иная. Она не имела ничего общего с семейными обязательствами. Долгие годы я боялась... времени. Две недели назад страх ушел, и теперь меня тяготила сама жизнь. Ведь в ней не осталось того единственного человека, который меня любил.

Кеннеди сделала очень замысловатый поворот, продолжая ловко удерживать свой поднос, и оказалась рядом.

– Так это Роберт? Если он наденет тебе кольцо палец, то точно не даст тебе загрустить и всегда сумеет развеселить.

Я угадала, да? Тебе в жизни явно не хватает веселья. Да и вообще он – просто мечта. – Веселья мне вполне хватает. – Ага, если бы.

Я покосилась на Роберта. Отличительная черта Хантеров – их темные глаза. Роберт, младший из братьев, считался большим шутником. Всегда улыбался, всегда шутил, но никогда не смеялся надо мной... за что я была ему очень благодарна. Его взгляд искрился жизнью. Правда, сейчас, когда я нашла брешь в броне их компании, мне показалось, что и Роберт за юмором скрывал истинные чувства. Я его понимала, так как сама постоянно пряталась, даже когда оставалась у всех на виду.

А вообще, честно говоря, меня не привлекал Роберт и его шутки. Нет, мне хотелось, чтобы мама была жива, и чтобы моя новая подруга сменила наконец тему разговора.

Однако в следующий миг мой взгляд нашел Мэттью Колдуэлла. *Мэтта*.

Его глаза улыбались. Это была искренняя и теплая улыбка, пусть и адресованная не мне. Он держался так легко, так непринужденно, что казалось, будто ничто его не тяготило. Он казался более сдержанным, чем Роб. Более загадочным. Я совершенно не понимала, какой он на самом деле. Но вместе с тем он выглядел таким... беззаботным. – Бинго!

Я посмотрела на Кеннеди. Ее поднос опустел, а свободная рука лежала на бедре.

– Ты влюбилась в Мэттью.

Я открыла рот, чтобы возразить.

– Не спорь со мной, Бруклин. Я сама все видела. Как ты пускаешь по нему слюни, когда видишь его в школе.

– Я не пускаю слюни.

– Попалась! – Она наставила на меня свой указательный палец. – Ты сейчас только что во всем призналась!

– Ни в чем я не признавалась, – рассмеялась я.

Свет начал меркнуть, и гости направились к своим столикам.

Кеннеди схватила меня за руку и потащила обратно на кухню.

– Мы должны помочь сервировать ужин. Но не вздумай уйти от разговора. Я хочу знать все подробности!

Разговор уже был окончен, и точка.

Я старалась сосредоточиться и выяснить, какая из разноцветных карточек с именем гостя какому блюду соответствовала. Мне предстояло обслуживать столик номер три. Счастлиное число. Плевое дело: всего лишь подать блюда и десерт, а потом я могла отправляться домой.

Я проверила расположение столика на плане рассадки и вышла из кухни.

Счастлиное число, конечно же!

За столиком, который я намеревалась обслужить, сидели Джеймс, Роберт, Изабелла и еще несколько взрослых пар, возможно, их родители.

Низко опустив голову, я протолкнула тележку.

Синяя карточка означала рыбу. Красная – стейк. Зеленая – овощи.

Я поставила вегетарианское блюдо напротив Изабеллы.

– Ох, милая, – засмеялась она. – Правда, это такая трагедия?

Я с трудом заставила себя поднять на нее взгляд. Несмотря на этот комментарий, вид у нее был безмятежным, даже счастливым. Она посмотрела на мою обувь, и я почувствовала, как краснеют щеки. – Ты ведь новенькая, верно? – спросил Роберт. О боже! Он заметил меня в школе! Возможно, они даже видели, как я пялилась на них! В эту минуту мне захотелось в самом деле стать невидимой. Я кивнула.

– Я – Роб. Это мой брат Джеймс. А с этой провокаторшей ты, похоже, уже знакома. – Он показал на Изабеллу, которая с каждым его словом свирепела все больше.

Одна из сидевших за столом взрослых женщин откашлялась и процедила:

– Роберт, прекрати. Хватит разговаривать с обслугой. Лучше поешь.

Роберт закатил глаза, а я усмехнулась. Вполне искренне. Именно так, как я смеялась когда-то, пока не потеряла все, что у меня было.

– Над чем ты смеешься? – резко рявкнула Изабелла. – Делай свою работу.

Она, конечно, ужасный человек. Но она была права. Я просто стояла и пыталась неуклюже общаться с гостями, как

будто была одной из них. Взяв очередную тарелку, я начала обходить Изабеллу, и в этот момент она встала и толкнула назад свой стул.

Возможно, если бы мои руки не устали так жутко после того, как я целый час проносила с тяжеленным подносом, я бы удержала тарелку. Но мои руки устали. Вся еда вывалилась на рубашку, а дорогое стекло разбилось об пол. Это было еще хуже, чем инцидент с разлитым шампанским, который я так ярко представляла в своей голове. *Полный, черт возьми, кошмар.*

Все в банкетном зале уставились на меня. И каждая пара глаз глядела с осуждением.

– Приберись, – скомандовала Изабелла.

Я совершенно растерялась. Мне не хотелось выполнять ее приказы, но я опустила на корточки. Чертова Изабелла. Она специально меня толкнула! В этом я не сомневалась.

Роберт, кажется, собирался подняться, чтобы помочь мне, но Изабелла зло отчеканила:

– Ей не нужна помощь, Роб. Она достаточно умная, чтобы справиться. Правда, милая? Ведь поэтому ты оказалась в нашей школе? Потому что ты умная и заслужила стипендию. В конце концов, ты же не из нашего круга.

За моей спиной раздались смешки. Уголки глаз защипало от слез, которые вот-вот норовили хлынуть наружу. Изабелла ошибалась, но почему-то это задело меня еще сильнее. Я оказалась в их школе не потому, что получила стипендию. А

потому что мой дядя в прямом смысле прибирался за ними. А теперь и я должна была делать то же самое. Из-за этого я еще больше почувствовала себя не в своей тарелке. Если бы Изабелла узнала правду, она бы совсем озверела. Она бы уничтожила меня. Мне не было стыдно за то, чем занимался мой дядя. Но я боялась гнева Изабеллы.

Я принялась собирать разбросанные по полу еду и осколки тарелки. Руки у меня дрожали то ли от стыда, то ли от гнева. Перед глазами маячили ее высокие каблуки посреди всего этого беспорядка. Изабелла смотрела на меня сверху вниз с победоносным видом. Я бросила горсть осколков на тележку и одним из них поранила ладонь сбоку. *Ой!* – Бруклин, с тобой все в порядке? – Кеннеди присела рядом, не обращая внимания на буравившую нас взглядом дьяволицу. Схватив меня за руку, она воскликнула: – Господи! Обработай рану. Я здесь все уберу.

Наверное, я никогда не выплачу долг Кеннеди, если благодаря ей уйду отсюда. Она переключила всеобщее внимание на себя, хотя я догадывалась, что у нее, как и у меня, имелось только одно желание – оставаться незамеченной на этой дурацкой вечеринке.

– Правда, иди. Я все сделаю.

– Спасибо. – Я встала, зажимая руку.

– Похоже, теперь тебе точно придется поменять обувь, – ехидно усмехнулась Изабелла.

Я посмотрела вниз. Вытекший из стейка сок попал мне на

кеды.

Я пробежала мимо Изабеллы не оглядываясь. Если я сейчас же не смою пятна холодной водой, потом уже никогда не смогу их вывести.

Когда я ворвалась в ближайшую уборную, в голове звучал ее злобный смех.

Сбросив обувь с левой ноги, я открыла воду и сунула ее под струю. Попыталась оттереть пятно мылом, но тщетно. Слезы, которые я сдерживала все это время, наконец хлынули из глаз. Я терла ткань все сильнее, но теперь кровь из моей раны смешалась с водой, и все стало еще хуже. Раковина выглядела так, словно поблизости кого-то серьезно ранили.

– У тебя кровь идет.

Я почувствовала, как волосы на затылке встали дыбом. Руки застыли. Я тут же узнала этот голос, я слышала его миллионы раз на уроках и узнала бы где угодно.

Подняв глаза, я взглянула в зеркало и увидела в отражении Мэттью Колдуэлла.

– Так это мужской туалет?

О господи! Ну почему моя первая обращенная к нему фраза оказалась настолько нелепой?

Я схватила обувь, словно собиралась надеть кеды, мокрые и окровавленные, обратно себе на ноги и убежать прочь. О чем я вообще думала?

– Новую обувь ты всегда успеешь купить, – подметил Мэттью, не обращая внимания на вопрос по поводу туалета.

та. — А вот новую руку — вряд ли. — Он подошел ко мне, набрал в ладонь мыла, а затем, глядя на мое отражение, коснулся пальцами моего пореза. Как будто спрашивая разрешения. Я стояла не шелохнувшись.

Мэттью опустил наши руки под струю воды и начал осторожно промывать рану.

Я даже не поморщилась от боли. Все мои мысли были только о его теплых ладонях. О том, какие у него шершавые подушечки. Возможно, из-за увлечения футболом. Холодок пробежал по спине, когда он провел большим пальцем по моему порезу. — Изабелла — тот еще катаклизм, — сказал он. — Не принимай ее слова близко к сердцу, иначе потом будешь сильно переживать.

Я надеялась, что он пропустил случившийся ужас в банкетном зале. Но нет. Неужели он пошел за мной?

Я посмотрела на парня, и на мгновение наши взгляды встретились. Всего на несколько секунд, которые показались мне вечностью. Его глаза оказались такими же теплыми, как и руки. Тяжело смотреть в упор на совершенство. Мэттью Колдуэлл был таким красивым, что его красота ослепляла. В довершение ко всему, у него имелось все, чего была лишена я. Деньги. Семья. И, в отличие от других «Неприкасаемых», он выглядел по-настоящему счастливым.

Мэттью был таким, какой мне никогда не стать. И, по какой-то необъяснимой причине, он был единственным, с кем мне хотелось находиться рядом. Нелепость. Подобные мыс-

ли – пустая трата времени.

Я отвернулась.

Он закрыл воду, взял бумажное полотенце и обмотал его вокруг моей раны.

– Спасибо, – сказала я, опустив взгляд.

– Встретимся в школе, Бруклин, – отрезал Мэтт, спрятав руки в карманы, и направился к двери.

Сердце замерло в груди. Он назвал меня по имени?

Дверь со стуком закрылась. Я выждала еще пару секунд, а затем схватила мокрую обувь и вылетела из туалета. Посмотрела на значок – уборная оказалась женской. Это означало, что Мэттью Колдуэлл пошел за мной, желая убедиться, что у меня все в порядке. Возможно, я была не такой уж и невидимой, как мне казалось.

Глава 4

Пятница

– Привет, малышка, – сказал дядя, когда мы с Кеннеди вошли в квартиру. Он разгадывал кроссворд за кухонным столом и даже не посмотрел на нас.

Дядя был всего на пять лет старше моей мамы, но выглядел так, словно ему исполнилось шестьдесят, а не сорок с небольшим. Лишний вес не лучшим образом отражался на его внешнем виде. Мне бросилось в глаза, что пуговицы на его рубашке, казалось, вот-вот оторвутся. Я решила помочь ему сбросить вес и заставить вести здоровый образ жизни.

– Привет... Джим. – Возможно, ему хотелось, чтобы я называла его «дядей Джимом», и я пыталась обращаться к нему именно так. Но в детстве я видела его всего несколько раз, а мне казалось, что «дядей» можно называть только очень близкого человека. Его же я почти не знала. Тем не менее, мне нравилось, что он называл меня «малышкой». Я помнила, что именно так он обращался ко мне, когда я была ребенком. И это придавало мне немного уверенности.

– Привет, дядя Джим! – сказала Кеннеди и вбежала в квартиру с таким видом, словно это она здесь жила, а не я.

Джим посмотрел на нее, заключил в объятия и поцеловал в щеку. Мне было странно, что у Кеннеди складывались бо-

лее теплые отношения с моим дядей, чем у меня, но она знала его всю свою жизнь. Я же лишь недавно по-настоящему с ним познакомилась.

– Как дела на работе? – поинтересовался он.

– Как обычно, первый день всегда самый волнительный.

Теперь дядя взглянул на меня. Он нахмурился, увидев перепачканную в соусе рубашку и мокрую обувь.

– С тобой все в порядке?

Хотя, возможно, он смотрел вовсе не на грязную одежду. Возможно, он смотрел на мое лицо. Дядя хорошо изучил меня. Мог угадать мое настроение. Он, как и мама, понимал, когда мне было плохо. Мне бы хотелось узнать его так же хорошо.

Слезы невольно навернулись на глаза, хотя на это не имелось особых причин.

– Все в порядке. Но подносы были жутко тяжелыми.

– Может, вместо официанта им понадобится еще один повар? – улыбнулся Джим. – Буррито, которые ты приготовила, – просто объедение.

– Правда?

Дядя кивнул.

Я испытала скорее чувство облегчения, чем радости. Первые пару недель он противился моим попыткам поменять рацион. Но, в конце концов, похоже, смирился с тем, что я не собиралась отступать от своих намерений.

Он отвернулся и закашлялся, прикрывая рот локтем.

– Ты точно не хочешь выпить какое-нибудь лекарство от кашля? – спросила я.

Наверное, я достала его своей заботой. Дядя привык жить один, и все, что я ему говорила, он воспринимал как проявление гиперопеки. Но я ничего не могла с собой поделать. Мне хотелось, чтобы он был здоровым. Кроме него у меня никого не осталось, и я жутко боялась потерять и его.

– Это всего лишь простуда, – возразил он. – Со мной все будет хорошо.

– Съешь это, и сразу почувствуешь себя лучше! – вмешалась Кеннеди. – Мы принесли немного чизкейка, который ты так любишь. – Она поставила коробку на стол.

Мне захотелось отчитать Кеннеди за этот поступок. Я только-только начала приучать дядю к здоровой пище. Ему сейчас совсем не нужно было есть сладкое.

Но, прежде чем я успела что-либо сказать, он уже принял-ся за десерт.

– Ну что, полегчало? – усмехнулась Кеннеди.

– Чизкейк – лучшее средство от всех болезней! Не смотри на меня так, малышка, это же безобидный крошечный пирожок! – Я сдвинула брови, и дядя подвинул коробку к Кеннеди. – Так уж и быть, вам остальное. Я как будто живу с маленьким диктатором, – проворчал он, но потом улыбнулся. – Не буду вам мешать, занимайтесь своими делами. Можешь оставить кеды у двери, малышка, я попробую привести их в порядок.

– Ой, не нужно ничего делать. Я сама их ототру.

– Если я что-то и умею делать, так это чинить разные вещи. Оставь кеды у двери.

– Спасибо.

Я понятия не имела, что он собирался с ними делать. Честно говоря, я сомневалась, можно ли их вообще починить. Но если он все-таки попытается, ничего плохого в этом не будет. Я сняла кеды и пошла за Кеннеди в свою комнату.

– Давай уже разберем твое барахло. – Подруга открыла одну из картонных коробок. – А между делом ты расскажешь мне, когда и почему влюбилась в Мэттью Колдуэлла.

– Ни в кого я не *влюблялась*!

– Ну ладно. Но он же тебе нравится? – Она вытащила одежду и стала раскладывать ее совсем не на те полки, так что мне приходилось перекладывать вещи следом за ней.

– Просто он кажется таким... счастливым.

Кеннеди рассмеялась и швырнула скомканную рубашку в ящик с моим нижним бельем. Она совершенно не умела разбирать вещи.

– Счастливым? И все? А как же его мускулы? Его очаровательная улыбка?

– Угу, и это тоже.

Не знала, поймет ли меня Кеннеди, но внутренние качества «Неприкасаемых» интересовали меня куда больше, чем их внешность. Одной лишь милой улыбки для меня было недостаточно. У моей мамы была прекрасная улыбка. Но она

умерла одинокой в возрасте тридцати шести лет, и на счете у нее не осталось ни пенни.

Моя мама – олицетворение доброты и обаяния. Самый замечательный человек из всех, кого я знала. «У меня есть все, что нужно в этой жизни», – постоянно повторяла она. Под этим «все» она подразумевала меня. Я любила бы ее, даже если бы внешне она напоминала монстра.

– Значит, ты смотришь на него глазами влюбленного щечка только потому, что он счастливый? Но в нашей школе море счастливых людей! – Кеннеди отвлеклась от наведения беспорядка в моем шкафу и съела мини-пирожное.

Я принялась перевешивать одежду, которую Кеннеди туда только что повесила.

– И он беззаботный.

– Это практически одно и то же.

Я достала пачку фотографий. Сверху лежал снимок-селфи, на котором мы с мамой сфотографировались вместе. Мы сидели на больничной кровати. Мама все еще была полна оптимизма. Ведь она собиралась прожить такую долгую жизнь.

Я положила фотографии на прикроватную тумбочку.

Мама наверняка захотела бы, чтобы я жила своей жизнью. Заводила новых друзей. Называла моего дядю «дядей». Попыталась начать все сначала. И сегодня я наконец-то сделала первый шаг в этом направлении.

– А еще Мэтт очень милый, – добавила я.

– Откуда ты знаешь, что он милый? – спросила Кеннеди

с набитым ртом.

– После того, как я порезала руку, он пошел за мной в туалет.

– Что он сделал?

– Я сначала подумала, что по ошибке забежала в мужскую уборную, а он просто был там. Мне лишь хотелось отмыть пятно, как вдруг рядом оказался... он.

Кеннеди плюхнулась на край моей кровати и с удивлением округлила глаза.

– Продолжай! – чуть ли не закричала она.

– Он промыл мне руку.

– Как странно.

– Нет, это было... мило.

– Опять ты с этим своим «мило». Как же я ненавижу это слово! – воскликнула Кеннеди. – Расскажи все в подробностях, а не то я задушю тебя во сне!

Я рассмеялась, так как знала, что она шутит. По крайней мере, я так думала.

– Девочки, у вас все хорошо? – спросил Джим из-за двери.

– Замечательно! – отчиталась Кеннеди. – Не входи, у нас тут сверхсекретный разговор!

Я еще громче засмеялась и села рядом с подругой. – Точно? – на всякий случай уточнил Джим.

– О господи, дядя! – крикнула Кеннеди. – Дай нам немножко побыть наедине.

Он рассмеялся, и я услышала, как его шаги отдаляются от

двери.

– Значит, после того как он тебя эротично выкупал...

– Мою руку. Он вымыл мою руку. Но его ладони были такие теплые и нежные...

Кеннеди захихикала и упала спиной на кровать. – Прямо классическая история про Золушку. Он – твой принц. Ты будешь жить долго и счастливо в окружении богатства, роскоши и многочисленных слуг.

Я сглотнула подкативший к горлу комок. Долго и счастливо? Как же я смогу жить счастливо, если со мной нет моей мамы?

– Что у тебя с лицом? Я же просто пошутила.

– Ничего. – Я встала и начала распаковывать оставшиеся коробки.

– Но что случилось после того, как он изнасиловал твою руку? – Кеннеди знала, как снова вызвать на моем лице улыбку.

– Хватит говорить всякие гадости, иначе Джим ворвется к нам, чтобы спасти меня.

Кеннеди закатила глаза.

– Так странно, что ты называешь дядю «Джимом», а не «дядей Джимом»... Согласна, формулировку я выдала запутанную.

Я захохотала. Успокоившись, ответила:

– По-моему, ему так больше нравится.

На самом деле я понятия не имела, как ему больше нра-

вится, ведь никогда его об этом не спрашивала.

– Как знаешь. Но давай вернемся к Мэттью. Хватит уже менять тему разговора! Итак, после того эпизода с рукой...

– Он дал мне бумажное полотенце и назвал Изабеллу «ка-таклизмом». Сказал, чтобы я не расстраивалась из-за нее. А потом он добавил: «Встретимся в школе, Бруклин» и вышел.

Кеннеди прижала руки к груди.

– Так он знает, как тебя зовут? Круто! И он пошел за тобой в женский туалет? Это уже нечто!

– В том, что ему известно мое имя, нет ничего удивительного. Мы вместе ходим на один урок.

– Да, и ты говорила, что мистер Хилл называет там всех только по фамилиям. А он знает твоё *имя*. И еще он весь из себя такой беззаботный и счастливый. Как думаешь, он заговорит с тобой в понедельник? Глупый вопрос. Конечно, заговорит. Он же твой рыцарь в сияющих доспехах.

Даже если так, я встретила его на несколько недель позже, чем нужно. Я уже потеряла то единственное, что нужно было спасти.

– Какие чудесные фотки! – Кеннеди взяла фотографий с моей тумбочки. – У тебя есть кнопки? Нужно развесить их по стенам.

– Я спрошу у Джима.

Подруга покачала головой, как будто расстраивалась всякий раз, когда я называла дядю «Джимом».

Я спустилась на кухню.

– Веселитесь? – спросил Джим, не отрываясь от своего кроссворда.

– Угу.

– Кеннеди – хорошая девочка. Я рад, что вы с ней поладили.

Я не знала, что на это ответить. Они с матерью Кеннеди, по сути, и сдружили нас. Кроме Кеннеди в школе со мной больше никто не разговаривал. Ну, кроме Мэттью.

Я покачала головой, прогоняя от себя эту мысль. – У тебя есть кнопки?

– В верхнем ящике слева от раковины.

Я открыла ящик и достала нужную коробочку. Уже собиравшись вернуться к себе в комнату, но остановилась. Слова Изабеллы все никак не шли у меня из головы.

– Ты знаешь, что ребята в школе считают, будто я учусь по стипендии? – спросила я.

Джим наконец посмотрел на меня.

– Наверное, потому что во всей «Эмпайр-Хай» правду знает только Кеннеди и директор школы. Я попросил его оформить твои документы так, чтобы никто ни о чем не догадался.

– Что? Но почему?

– Новая школа – всегда испытание, малышка. Я не хотел, чтобы все стало известно. Это может еще больше усложнить тебе жизнь.

– Джим, тебе не стоило так поступать.

Он пожал плечами.

Я не стеснялась того, что он работал уборщиком. Ни капли. Я не избегала встреч с ним в коридорах, хотя мы все равно редко виделись. Как будто...

– Ты специально избегаешь меня в школе?

– Тебе будет проще, если остальные ученики ничего не узнают.

Я открыла рот, а потом закрыла его. Точно такая же мысль пришла мне в голову, когда сегодня вечером надо мной нависла Изабелла. Он не ошибался. Неприятная истина, но все же. Джим защищал меня. Впервые с того момента, как я переехала, я почувствовала, что меня любят. В самом деле, я не испытывала этого ощущения после смерти матери.

Возможно, стоило сказать, что в этом не было необходимости. Что я сама разберусь с остальными ребятами. Правда, я совершенно не представляла, как разобраться с Изабеллой.

Надо было поблагодарить дядю, но слова не сходили с языка.

Джим вернулся к своему кроссворду, а я подумала: «Давай же, Бруклин. Соберись и скажи это». – Я очень благодарна тебе, дядя Джим.

Мне потребовалось немало усилий, чтобы называть его дядей. Особенно теперь. Джим – моя семья. Единственный, кто остался от моей семьи. Он относился ко мне как к родному человеку, и я должна была показать, насколько сильно благодарна ему за это.

Я вернулась в свою комнату.

– Какая ты молодец! – обрадовалась Кеннеди.

– Ты подслушивала?

– Стены у вас тонкие. И потом, даже хорошо, что я все услышала. Я не знала, что история со стипендией – секрет. Я ведь по ошибке могла разболтать об этом всей школе.

– Хорошо, что ты общаешься только со мной.

Кеннеди рассмеялась и забрала у меня кнопки. – Давай уже закончим обустривать твоё гнездышко. Это ведь твой новый дом. И ты должна чувствовать себя здесь уютно.

* * *

– Спокойной ночи, – сказала Кеннеди.

– Спокойной ночи.

Но я знала, что не смогу уснуть. Обычно по ночам я смотрела в потолок и считала минуты до того момента, как взойдет солнце. Сирены за окном выли слишком громко. Машины гудели еще громче. Здесь все было слишком громким.

Я глядела в темноту и чувствовала переполняющую меня радость. Возможно, из-за холестерина в крови, ведь я съела столько пирожных! Хотя, конечно же, нет. Причина крылась в другом – я просто поняла, что дядя любит меня. Что его, по всей видимости, не раздражало мое присутствие. Что я не являлась для него обузой.

«Неприкасаемые» были не такими уж и неприкасаемыми.

Мэттью оказался добрым. Его сердце светилось золотом, как и волосы. Я улыбнулась, изучая потолок.

Возможно, вторая неделя в школе окажется другой, совершенно не похожей на первую. Я даже представила себе, как сижу с «Неприкасаемыми» за одним столом.

Не то чтобы мне требовались какие-то перемены. У меня была лучшая подруга. Кеннеди потратила несколько часов, чтобы помочь мне обставить мою комнату. Она была права. Это мой новый дом. И я уже начинала это ощущать.

Я прислушалась к ее размеренному дыханию. Мне давно уже хотелось задать ей один вопрос. Ответ на него был не так важен. Я уже знала его. Но все равно, казалось, что, если я спрошу об этом, мне станет легче. Точно так же, как вопрос по поводу стипендии, который я задала дяде, позволил мне испытать к нему родственные чувства.

Хотя я понимала, что это могло привести к не самым приятным для меня последствиям.

– Твоя мама попросила тебя подружиться со мной? – прошептала я, когда решила, что Кеннеди уснула.

В ответ – только тишина. Легкие разжались, я задышала спокойнее. Так даже лучше. Я не услышу, как она произнесет правду вслух.

– Да, – внезапно сказала Кеннеди, нарушив молчание.

Я нервно сглотнула. Ответ я и так знала, но теперь мне стало не по себе. Что, если Кеннеди перестанет дружить со мной? Играть больше не нужно. Никакого притворства.

– Но ей не стоило меня просить. Я и сама увидела, что тебе нужен друг. – После долгой паузы Кеннеди добавила: – И мне тоже.

Я почувствовала, как слезы потекли по моим щекам прямо на волосы. Впервые с момента переезда я не чувствовала себя одинокой.

Глава 5

Понедельник

Надев рюкзак на плечо, я поспешила на кухню. Наверное, мне пришлось бы потратить много времени на выбор сегодняшнего наряда. Но выбора у меня не имелось. Я должна была носить школьную форму, состоящую из юбки и блейзера. Однако я все же уделила несколько минут своим ресницам, которые выделила тушью, и блеску для губ. В пятницу вечером Мэттью Колдуэлл обратил на меня внимание! Я просто не могла не закрепить недавний успех.

Остановившись у двери, я заметила на полу свои кеды. По крайней мере, выглядели они точь-в-точь, как мои кеды, только пятна исчезли и сбоку пропала дырка. Я подняла их и провела пальцем по тому месту, где теперь виднелись еле заметные маленькие швы. *Прямо как новенькие.* Дядя не оставил записки. Я улыбнулась еще шире, сняла туфли и надела кеды. Затем вышла из дома и поспешила по коридору к квартире Кеннеди.

Она открыла, держа в руках тарелку с едой.

– Выглядишь отпадно! – воскликнула подруга, пережевывая омлет. – А еще ты собралась на двадцать минут раньше. В чем дело?

– Просто так получилось, – пожала плечами я.

– И это никак не связано с Мэттью?

Как ей удалось так быстро раскусить меня?

– Это Бруклин? – послышался из глубины квартиры голос мамы Кеннеди.

– Здравствуйте, миссис Алькарас. – Я вошла в квартиру и проследовала на кухню.

– *Mi amor*², ты не голодная? – Она поцеловала меня в щеку, не открываясь от готовки. Ловко перевернула омлет и улыбнулась.

– Нет, я поела. Но все равно спасибо.

– *Sí sí*.³ Кеннеди, ты должна доесть завтрак! – возмутилась миссис Алькарас, когда Кеннеди поставила тарелку на стол. – Это самое важное время для приема пищи.

– Я уже наелась. К тому же нам надо пораньше прийти в школу, так как Бруклин влюбилась в одного парня и хочет увидеться с ним до начала уроков.

Ого! Правда и ничего, кроме правды? Она могла бы придумать какую-нибудь историю про несуществующий проект или другую причину, из-за которой мы спешили в школу. Но я не рассердилась. Если честно, будь вместо нее моя мама, я бы тоже ей все рассказала.

– Парень? – удивилась миссис Алькарас. – Из... *вашей* школы?

От тона ее голоса мне стало не по себе. Я понимала ее

² Милая моя (исп.)

³ Да, да. (исп.)

скептицизм, но ведь она никогда не видела Мэттью и не понимала, что он совсем не похож на других ребят из «Эмпайр-Хай».

– Мама, не волнуйся, – сказала Кеннеди. – Я не позволю ей связаться с дурной компанией.

Миссис Алькарас улыбнулась.

– Меня больше беспокоит ее сердце. Как бы его не разбили! Но защитить свое сердце сможет только она сама. – С этими словами она подмигнула мне. – Хорошего дня, *mis niñas*⁴. Смотрите, не попадите в историю!

– *Nunca!* – крикнула Кеннеди через плечо, схватив меня за руку и таща к двери.

– Что значит «*nunca*»? – спросила я, когда мы вышли на улицу.

– Никогда.

– Ты свободно говоришь по-испански? – Я всего несколько раз слышала, как она использовала отдельные испанские слова в разговорах с матерью. Отец Кеннеди не был таким же смуглым, как мама. Я видела его фото у них дома. Кеннеди унаследовала от матери ее красоту, но кожа у нее была светлее. Глядя на нее, казалось, что она просто загорела на солнце.

– Честно говоря, нет. Но запомнила несколько важных словечек. Например, *nunca*, – со смехом напомнила она. – Это правда самое важное слово. Я его часто использую.

⁴ Мои девочки (исп.)

Я засмеялась, и Кеннеди взяла меня под руку. Мы прошли по тротуару мимо бродяги, который стоял на углу улицы, облизывая кусок пищи.

– Смотрю, ты решила надеть новые кеды, – заметила Кеннеди. – Не думала, что ты купишь новые. Если тебе так нравятся старые, носи их дальше.

– Я не покупала новых. Это все дядя, он их починил.

Или подруга считала, что я ей вру, а на самом деле у меня куча денег? К тому же мне нравились мои кеды. Я не позволю всяким дурам указывать мне, что я могу носить, а что – нет!.. Даже если эти дуры угрожали мне... Были отвратительными... и я их немного боялась.

– Серьезно? Дядя Джим? – Кеннеди внимательно рассматривала мои кеды, когда вдали показалось здание школы. – Выглядят, как новенькие! Дядя Джим молодец. Он, оказывается, не только сплетник, но еще и мастер по ремонту обуви! Значит, я его плохо знаю. Он для тебя все что угодно сделает.

Я улыбнулась. Дядя действительно удивил меня. Когда я только переехала, мне казалось, что я доставляю ему одни неприятности. Что я ему не нужна. Но теперь? Возможно, он был таким же одиноким, как и я.

– Их еще нет, – сказала Кеннеди, кивнув на пустое место, где обычно парковался мерседес «Неприкасаемых».

К школе не прилагалась своя парковка, и все ученики знали, что рядом со зданием нельзя оставлять машины. Удиви-

тельно, поскольку большинство учащихся ездили на своих авто, либо их привозили личные шоферы. Как-то даже глупо, что такая престижная школа располагалась в самом центре города, в то время как основная часть ее учеников жила в роскошных поместьях на окраине Нью-Йорка. Некоторые приезжали из Джерси-Сити. – Пошли, – скомандовала Кеннеди и потащила меня к входу. – Нельзя же просто стоять и ждать, пока они приедут. У тебя какой-то потерянный вид.

Я и правда чувствовала себя потерянно, но все же позволила подруге увести себя от места, где парковались «Неприкасаемые». Все выходные я никак не могла сосредоточиться на домашнем задании. На работе дела обстояли еще хуже. К счастью, на второй день я больше не роняла подносы, иначе меня бы просто уволили.

Но как я могла думать о чем-то еще, кроме тех нескольких минут, которые провела с Мэттью в туалете? О том, как он смотрел на мое отражение в зеркале. Как прикасался ко мне. Он снова позволил мне ощутить себя живой. Пробудил желание жить.

В раздевалке мы сначала подошли к шкафчику для одежды Кеннеди, а затем – к моему. «Неприкасаемые» все еще не приехали, что странно, ведь уже совсем скоро нужно было торопиться в класс. К счастью, Изабелла тоже исчезла с радаров. Может, она наконец захлебнулась своим ядом и умерла?

Кеннеди сфотографировала меня, пока я смотрела на ча-

сы в коридоре.

– Не волнуйся, увидишься с ним за ланчем. Пойдем в класс, а то опоздаем.

Забавно слышать подобное от Кеннеди. Как будто она переживала за учебу.

Обычно подруга говорила противоположные вещи.

Я немного завидовала ей, ведь ей предстоял урок с Мэттью. Так как моя фамилия находилась не в той части списка по алфавиту, меня ждали другие занятия, в другом крыле школы.

– Может, он поздоровается с тобой на уроке, – предположила я.

– Сомневаюсь, – ответила Кеннеди, не отрывая взгляда от дисплея фотоаппарата. – Он ведь не на меня запал. К тому же Мэтт никогда со мной не разговаривал, а мы ведь учились в одном классе весь прошлый год. Но я расскажу тебе, если он все же снизойдет до меня. – Кеннеди толкнула меня плечом и пошла в свой класс.

Звонок должен был прозвучать с минуты на минуту, но я все равно решила подождать еще несколько секунд, прежде чем закрыть шкафчик. Мне просто хотелось попробовать, каков Мэтт на зубок... В смысле, взглянуть, конечно. Взглянуть хоть одним глазком. Но входные двери школы все не открывались. Я направилась в класс.

Наверное, придется подождать до ланча.

Едва я об этом подумала, как раздался голос Мэтта. Я

обернулась. В школу вошли «Неприкасаемые». Без Мейсона. Мэтт и Роб, судя по всему, о чем-то спорили, но я стояла слишком далеко, чтобы разобрать их диалог. Джеймс молчал. Его глаза были налиты кровью, галстук болтался, пиджак был расстегнут. Я вспомнила, как он пил шампанское на вечеринке в пятницу. Неужели он и сейчас был пьян? Джеймс засмеялся. Я не поняла, над чем именно, но остальные его не поддержали.

Мэтт потащил Джеймса в сторону туалета.

– Мэтт, угомонись! – выстрелил Роб, повысив голос. – Я же сказал, что у меня все под контролем. – По-твоему, это под контролем? – Мэтт указал на Джеймса. – Его исключат, если узнают, в каком он состоянии. Ни черта у тебя не выходит контролировать!

Джеймс опять начал смеяться.

– Джеймс, да заткнись ты! – разозлился Мэтт.

Мне показалось, что Роб сейчас размахнется и ударит его, но он только покачал головой. Я никогда еще не видела его таким потерянным. Обычно он всегда смеялся и шутил.

– Я сам все улажу, – заявил Мэтт. – А ты иди в класс.

– Да неужели? – спросил Роб.

– Я еще ни разу не опаздывал. В отличие от тебя. Давай, иди на урок.

Роб, вероятно, снова хотел ему возразить, но Мэтт потащил Джеймса к туалету, закончив спор.

Я понимала: что бы там у них ни случилось, мне этого

видеть не нужно. Они опоздали не случайно. А в коридоре не было больше никого, кроме них и меня. Я повернулась и ушла, пока они меня не заметили.

* * *

Прозвенел звонок, возвестивший об окончании урока английского языка и литературы. Мы с Кеннеди стали собирать вещи.

Она застегнула свой рюкзак и повернулась ко мне.

– Мэттью опоздал на урок, и мистер Льюис накричал на него. И, предвосхищая твой вопрос, нет, со мной он не поздоровался.

Я кивнула, но ничего не сказала. Тем утром я очень быстро бежала на урок, но мой класс находился в противоположном конце коридора. «Неприкасаемые» меня точно не заметили и не знали, что я все слышала. Во всяком случае, мне хотелось в это верить. Впрочем, я все равно понятия не имела, *о чем именно* они говорили. Однако чувство вины не покидало меня. Подслушивать неправильно. Обычно я так не поступала. Просто мне трудно не смотреть на них. И, вероятно, не слушать тоже.

– Эй, с тобой все хорошо? – спросила Кеннеди, когда мы встали из-за парт.

– Угу. Прости, я что-то замечталась.

Она засмеялась.

– Предаешься бесстыдным мечтам о Мэттью? Ничего страшного, я могу одолжить тебе мой конспект.

Я думала о Мэттью все выходные! Но сегодня для фантазий не осталось места. Из головы не выходило то, что произошло в коридоре. Как об этом рассказать Кеннеди и при этом не выглядеть глупо? – А что ты знаешь о Джеймсе?

– Только не говори, что теперь ты решила замутить с другим!

– Нет, – усмехнулась я. – Но на вечеринке я заметила, как он пил шампанское. А ему ведь еще рановато это делать.

– Назови мне хоть одного старшеклассника, который не пьет алкоголь!

Я, к примеру. Я не пью. В старой школе я не ходила на вечеринки, так как всегда работала. У мамы дома алкоголя тоже не было, да мне и не хотелось пробовать.

– Ну да, конечно.

– Почему ты так переживаешь из-за того, что Джеймс пьет?

Потому что сегодня он пришел в школу пьяным. И, судя по тому, как вели себя Мэтт и Роб, не в первый раз. Вместо того, чтобы рассказать правду, я просто промолчала. Меня это не касалось. И меньше всего я хотела бы распространять слухи, возможно, еще и лживые. Я знаю, каково это, когда тебя обсуждают за твоей спиной, и не собиралась поступать так с кем-то другим.

– Интересно, – я пожала плечами. – Как-то несправедли-

во: они пьют шампанское, а мы – нет. – На следующих выходных можем выпить немного на кухне.

Я кивнула, хотя не имела ни малейшего желания делать это. Забирать еду, оставшуюся после вечеринки, это одно. Но пить шампанское на работе? Нет. Ни за что. Nuncsa.

– Увидимся на ланче, – улыбнулась подруга. – Желаю тебе хорошо позаниматься на физкультуре, чудачка!

Кеннеди знала, как я любила физкультуру. У меня не было возможности заниматься спортом после уроков, так как я серьезно подходила к выполнению домашних заданий. Физкультура являлась единственным предметом, на котором я ощущала, как бьется мое сердце. Довольно быстро я ее по-настоящему полюбила.

– А тебе хорошо пофотографировать! – крикнула я ей вслед.

Кеннеди махнула рукой и вышла из класса.

Глава 6

Понедельник

Пробежав две мили, я рухнула на скамейку трибуны и постаралась отдышаться. На свете не было ничего лучше хорошей тренировки. Я откинулась назад и закрыла глаза, наслаждаясь теплыми лучами солнца, падавшими мне на кожу.

Нам предлагалось либо играть в баскетбол, либо готовиться к сдаче норматива по бегу на дистанцию в одну милю. Несложный выбор. Все равно никто бы не взял меня в свою команду по баскетболу. Я была неуклюжей новенькой, с которой никто не хотел общаться. Но для бега команда не нужна. Поэтому с этим видом спорта у меня все обстояло замечательно.

Я уже немного отдышалась. Возможно, удастся пробежать еще две мили. Я поставила цель преодолевать милю за семь минут и являлась одной из немногих, кто выбрал именно бег. Так что, возможно, мне удастся обогнать большинство одноклассников, когда через несколько недель придет время сдавать норматив.

— А ты стала бегать быстрее.

Я открыла глаза и оглянулась, не веря, что кто-то в самом деле обратился ко мне. Может, мне это только почудилось? Но через несколько рядов от меня действительно притаился

парень и смотрел прямо на меня. Я не заметила его раньше. Он тоже обычно выбирал бег, но почти весь урок сидел на трибунах. Учитель физкультуры никогда не приходил на стадион и не проверял, как у нас дела, так как занимался командами, игравшими в спортзале. Поэтому я не осуждала этого парня за то, что он бездельничал.

– Есть немного, – ответила я, пожав плечами. – Если сможешь отсчитать время, мне больше не придется разбираться, как работает эта штука. – Я подняла секундомер, который дал мне тренер Картер.

Парень с трибун перелез через отделявшие нас ряды и сел рядом.

– Давай, все равно тут больше нечем заняться.

– Хмм... ты мог бы побегать. Вроде как именно этим мы и должны здесь заниматься.

– Вроде как. – Он покачал головой. – Только это совсем не прикольно. Кроме того, по физкультуре легко получить отлично. Можно просидеть тут целый семестр, а потом все нормативы сдать на отлично. У меня так в прошлом году получилось.

Для человека, который вечно прохлаждается на физкультуре, он был в неплохой форме. Не такой крутой, как у игроков в футбол, но выглядел мой новый знакомый достаточно подтянутым.

– Значит, ты целый семестр просидел на этих трибунах?

– Если надо было бегать, да. Но иногда приходилось иг-

рать в теннис или еще во что-нибудь на улице, когда тренер Картер следил за нами. – Он закинул ноги на спинку скамьи перед нами.

– Ты не похож на того, кто целыми днями сидит.

– А ты что, разглядывала меня, новенькая?

– Нет, – со смехом ответила я. Мой ответ прозвучал, как оправдание, хотя оправдываться я совершенно не планировала. Как будто я в чем-то провинилась! Да, он был симпатичным. Но я и не думала разглядывать его. Я уже увлеклась одним парнем не из своего круга. Двое парней не из своего круга – это уже перебор.

– На самом деле я не возражаю. Что поделать, если мне достались такие замечательные гены, – заявил он с самодовольной улыбкой.

– От скромности ты не умрешь.

– Меня зовут Феликс. – Парень протянул руку.

– Бруклин.

– Бруклин Сандерс. Да, знаю. Тренер Картер каждый раз устраивает перекличку.

Верно. Но я не запомнила его имя. Я всегда очень боялась, что не расслышу, как учитель назовет мое имя, и попаду впросак. Мне так не нравилось отвечать: «Здесь». Самая нелюбимая часть урока. Почему тренер Картер не мог просто запомнить наши имена?

– А еще ученики, которые получают стипендию, всегда привлекают к себе внимание. А ты, похоже, еще на первом

месте в черном списке Изабеллы. Так что тебя было трудно не запомнить.

– Откуда ты знаешь, что я в черном списке Изабеллы?

Он пожал плечами.

– Слышал о том, что случилось на вечеринке в пятницу.

О боже! Услышать о чем-то подобном, это, наверное, еще хуже, чем увидеть своими глазами. А может, и одинаково плохо.

– Зачем же ты тогда разговариваешь со мной?

– Потому что мне плевать на Изабеллу. А также на то, сколько у тебя денег. Я глубже этого, новенькая. – Феликс слегка толкнул меня локтем.

Я улыбнулась. Феликс оказался третьим человеком в школе, кто отнесся ко мне по-доброму. Хотя он знал, что Изабелла ему этого не простит. Что делало его поступок еще более привлекательным в моих глазах. Я была бы рада, если бы у меня появился еще один друг. К тому же он оказался таким легким в общении.

– Прямо глубже?

– Да. Я самый глубокий человек на свете! Сейчас я тебе докажу... только задам один вопрос. Так... какой у тебя любимый цвет?

– Не слишком-то ты глубоко копаешь, – рассмеялась я и встала. – Мне нужно еще побегать.

– Ладно. Раз ты настаиваешь. – Он тоже встал.

– Ты собираешься оторвать свою задницу и пробежать це-

люблю люблю?

– Что делать, если иначе я не узнаю твой любимый цвет. – Он последовал за мной на беговую дорожку.

Вместо того, чтобы покрасоваться и сорваться с места, словно спринтер, Феликс побежал рядом со мной. Я оказалась права. Феликс явно не предпочитал сидячий образ жизни, и во время бега он даже не запыхался.

– Ты играешь в какие-нибудь спортивные игры? – спросила я.

– Ты не можешь задать мне вопрос, пока не ответишь на мой.

Я вспомнила наш дом в Делавэре. Когда мама еще не заболела, она все время пела, готовя на кухне. Многие лучшие воспоминания были связаны с этой кухней, стены которой горели солнечным, ярко-желтым цветом.

– Желтый.

– Спасибо, что ответила. И нет, я ни во что не играю. Я же не какой-нибудь дебил.

– А какая связь между дебилами и спортивными играми? – усмехнулась я.

– Стремление выбиться в местную элиту. Получить всеобщее одобрение. А еще эти игроки любят похлопывать друг друга по заднице. Нет, это совсем не мое.

Я никогда не задумывалась о подобных вещах.

– Только не говори, что ты играешь в волейбольной команде или еще где-нибудь. Я не хотел оскорбить тебя.

– Нет. Командный спорт тоже не мое.

Возможно, в другой жизни я бы с удовольствием играла в волейбол. Но сейчас у меня на это попросту не оставалось времени.

– Ну, мы с тобой – настоящая команда бегунов из двух человек. И если ты когда-нибудь переживала из-за того, что не могла хлопнуть своих сокомандников по попе, у тебя есть шанс наверстать упущенное со мной. – Парень игриво подмигнул мне.

Я так покатила со смеху, что мне даже пришлось остановиться.

– Ну уж нет! – воскликнула я, продолжая смеяться.

Феликс побежал спиной вперед, чтобы видеть меня.

– Извини, не удержался. До встречи на ланче. – Он помахал мне рукой и направился к спортивному залу. У входа стоял тренер Картер и кричал, чтобы мы возвращались внутрь.

* * *

Кеннеди поставила свой поднос рядом с моим и откусила яблоко.

Мой взгляд был прикован к пустому столику, за которым обычно сидели «Неприкасаемые». Они опоздали в школу. А теперь опаздывали и на ланч. Я кусала нижнюю губу. Что вообще, черт возьми, происходит?

– Что с тобой? – спросила Кеннеди. – Я думала, ты будешь с радостью ждать ланча, чтобы пообщаться с Мэттью.

– Ты так говоришь, как будто я преследую его.

В глубине души мне хотелось рассказать ей о том, что я видела утром. Но потом я напоминала себе, что не хочу вмешиваться в чужие дела.

– Значит, ты не собираешься подойти к их столику и сесть за него? Момент просто идеальный. Ты будешь сидеть там, а когда они придут, то присоединятся к тебе.

Я рассмеялась.

– Нет.

Такого я точно не сделаю!

– Как знаешь. Мне же лучше. А то я боялась, что ты теперь бросишь меня.

– Nunca.

Кеннеди улыбнулась и еще раз откусила яблоко. – Nunca.

Я старалась сосредоточить внимание на Кеннеди и не смотреть на пустой столик.

– Как прошел урок фотографии?

– Здорово. Я распечатала несколько. – Кеннеди достала из рюкзака фотку и протянула мне. Она сделала ее в пятницу вечером у меня в комнате. Мы на ней улыбались. Даже странно было видеть себя такой счастливой, ведь на душе у меня скребли кошки. Я попыталась вернуть ей фотографию.

– Она твоя.

– Я могу ее забрать?

– Ага. Мне кажется, у тебя в комнате должно быть несколько фотографий со мной.

– Спасибо, Кеннеди!

Я решила, что надо хотя бы попробовать стать этой счастливой девчонкой с фотографии. Пусть этот снимок всегда служит мне напоминанием, какой я могу быть.

– Ты уже побила свой рекорд в беге? – поинтересовалась Кеннеди.

– Нет, пока не получается. – Я невольно посмотрела на пустой столик «Неприкасаемых». Черт. Они так и не пришли. – Ты знаешь Феликса?

Кеннеди уронила яблоко на тарелку.

– Да. А что? *Ты* с ним знакома?

– Мы вместе ходим на физкультуру. Он сегодня разговаривал со мной.

Она удивлено подняла брови.

– И он... пытался тебе что-нибудь продать?

– Мм... нет? Просто был милым и дружелюбным.

Кеннеди наклонилась вперед с хмурым видом.

– Бруклин, он торгует наркотиками. Такие люди не бывают милыми просто так. Он хочет, чтобы ты у него что-нибудь купила.

Торгует наркотиками? Я засмеялась. *Не может быть!*

– Мне кажется, ты имеешь в виду какого-то другого Феликса. Я не знаю его фамилии, но это совсем не тот парень, про которого ты подумала. Он не пытался мне ничего про-

дать.

– В том-то и дело. Он подружится с тобой, заставит тебя поверить, что он весь такой замечательный, а затем предложит купить у него дурь. Такая у него игра. – Кеннеди снова взяла яблоко и с яростью вгрызлась в него. – Поверь мне, знакомство с Феликсом не принесет тебе ничего хорошего. – Ничего хорошего? – спросил Феликс, усаживаясь рядом с Кеннеди. – Ты меня обижаешь. Я думал, что мы друзья.

– Размечтался, – бросила Кеннеди.

Он одарил ее такой же самоуверенной улыбочкой, которой улыбался мне сегодня.

– Бруклин – не твоя клиентка, так что оставь свои фокусы.

– Ой. – Феликс схватился за грудь. – Как обидно! А я ведь пришел сюда от чистого сердца! Неужели мне нельзя просто подойти поздороваться? – Только не в твоем случае.

– Пф, да ты в меня просто влюбилась. – Он взял с ее тарелки кусочек батата фри и закинул себе в рот. – Совсем наоборот. Я тебя ненавижу!

Я еще не так хорошо изучила Кеннеди, но, судя по выражению ее лица, она не испытывала к Феликсу такой уж сильной ненависти. Скорее выглядела раздраженной. Или, может, смущенной?

– Как хорошо вы получились на этом фото, – сказал Феликс, кивая в сторону фотографии у меня в руке.

– Спасибо.

– Тебе разве не пора уходить? – в тот же момент фыркнула

Кеннеди.

Почему она вела себя, как вредина? Я покосилась на столик «Неприкасаемых», но за ним никого не было.

Феликс засмеялся.

– Как скажешь. – Он наклонился ко мне и спросил: – И почему такая девушка, как ты, оказалась на этой помойке?

Я засмеялась, стараясь не задумываться о четверке парней, к которым меня тянуло, словно магнитом.

– Ты хотел сказать, в самой замечательной школе в городе? – *Потому что моя мама умерла. А мой дядя здесь работает.* Но я не собиралась рассказывать про маму. А дядя бы не хотел, чтобы кто-нибудь узнал о его работе. – Ты же сам сегодня сказал – у меня стипендия.

– Разумеется. Но я имел в виду, что ты не местная. Ты явно не из Нью-Йорка.

Я не знала, как воспринимать его слова: как оскорбление или как комплимент. Я родом не из Нью-Йорка. И меня это даже радовало. Но не успела я придумать, что ответить, как краем глаза заметила, что Мейсон, Джеймс и Роб сели за столик. Мэтта с ними не было. Джеймс выглядел уже совсем на так, как сегодня утром. Мне даже показалось, что его форму отгладили, ведь с утра она была вся измята.

– Прости, что ты там спросил? – уточнила я.

– Ты откуда?

– Она из маленького городка в Делавэре, – ответила за меня Кеннеди. – И она ни за что не станет ввязываться в твои

грязные делишки. Так что проваливай.

Феликс засмеялся.

– Я просто хотел поболтать с вами, девчонки. Никогда бы не стал ничего продавать такой девушке, как Бруклин.

И снова я не поняла, обижаться мне или нет. Однако он подтвердил слова Кеннеди – Феликс действительно торговал наркотиками. И она была права – он пытался подружиться со мной, чтобы я покупала у него товар. Лучше бы он обратился к богатеньким ребятам. У меня не завалялось лишних денег, и наркотики меня не интересовали. – Кеннеди права. Я не принимаю наркотиков.

– Отлично. – Он взглянул сначала на нее, а потом – на меня. – Потому что я не собираюсь вам ничего продавать, честное слово.

– Трудно поверить, – отозвалась Кеннеди.

Феликс пожал плечами.

– Можешь верить, можешь – нет. У меня хватает клиентов. Я пришел не для того, чтобы продать вам травку. Я вообще-то хотел пригласить вас ко мне домой на вечеринку в эту пятницу.

– Нет уж, спасибо, – усмехнулась Кеннеди.

– Новенькая? – Парень перевел взгляд на меня.

– Господи, ты даже и кликуху ей успел придумать? – Кеннеди закатила глаза.

– Своим «спасибо» Кеннеди хотела сказать, что в пятницу мы работаем, – ответила я. – Извини. – В этот момент я

скорее извинялась за ее поведение.

Феликс улыбнулся.

– Вечеринка начнется довольно поздно, так что заходите после работы. Кеннеди знает, где я живу. Еще увидимся, девчонки. – Он дважды хлопнул ладонями по столу, встал и ушел.

– Что это вообще было? – спросила я. – Почему ты была такой противной?

Я почувствовала, как волосы на затылке встают дыбом. Нечто похожее я испытала, когда Мэттью вошел за мной в туалет в пятницу вечером. Краем глаза я посмотрела на его столик. Мэттью там все еще не было.

– Я? Это ты не отрывала взгляда от «Неприкасаемых», пока Феликс с тобой разговаривал. Это было просто неприлично.

– Ты все время его прогоняла! – защитилась я, проигнорировав ее замечание. Я не сводила глаз со столика «Неприкасаемых», да, у меня сил не хватало на сопротивление. Но речь ведь шла не обо мне. – Почему?

– Хватит об этом. – Кеннеди покачала головой.

– Нет, правда, что он тебе сделал? Только, пожалуйста, не говори, что ты сидишь на кокаине или что-то в этом роде.

Я сказала это как бы в шутку, но Кеннеди затрясла головой еще яростнее.

– Ведь это не так? Ты не наркоманка?

– Тсс! Он тебя услышит.

Я оглянулась и посмотрела на Феликса. Тот находился в другом конце столовой.

– Ты же знаешь, Кеннеди, что можешь мне обо всем рассказать. Что он тебе сделал?

– Помолчи, – на этот раз она произнесла это беззвучно, двигая лишь одними губами.

– Иногда одного раза достаточно, – сказал Мэттью, присаживаясь рядом. – Твоя подруга заботится о тебе.

Чувство было такое, словно у меня из легких вышибло весь воздух.

О боже, так вот почему подруга качала головой! Я мысленно отругала себя за то, что не поняла ее сигналов. Кеннеди пыталась предупредить меня о Мэттью, стоящем за спиной! Что же я наговорила? К счастью, в моих словах не скрывалось ничего постыдного. Но я вроде бы говорила что-то про кокаин...

– Привет, Мэттью, – проговорила я. Мой голос прозвучал непривычно пискляво.

Он улыбнулся.

– Можешь называть меня Мэттом.

– Мэтт.

Я ощутила, как таю под задумчивым взглядом парня. Весь день я ждала возможности поговорить с Мэттью, и неужели это все, что я смогла из себя выдать? Я много раз наблюдала за ним во время ланча, но никогда не обращала внимания, каким до нелепого огромным он смотрелся на крошеч-

ном стульчике в столовой. Мэтт едва уместился на нем.

Сейчас нас друг от друга отделяло всего несколько сантиметров. Или, может, он специально подвинулся ко мне поближе? Сердце забилося быстрее. Однажды мы уже оказались так близко друг к другу, но тогда нас не окружали другие люди. Не окружали ученики, которые все еще не приняли меня в свой социум.

Я не сомневалась, что Мэтт это прекрасно понимал.

– Я тоже советую тебе держаться подальше от Феликса, – сказал парень. – Не стоит в это ввязываться.

Я кивнула.

– Nunca.

Он засмеялся.

– Никогда. Рад это слышать.

Я не сразу поняла, что сказала это вслух. Кеннеди тоже засмеялась.

Мэтт посмотрел на нее.

– Мистер Льюис тебя достает? – спросил он.

Ее щеки зарделись.

– И не говори. Пришел бы ты на пару минут раньше... Но ничего страшного не произошло.

Он улыбнулся ей, а затем снова посмотрел на меня. Точнее, на мою руку.

– Как твой порез? – Мэттью понизил голос, но я знала, что Кеннеди все слышала. И все равно этот момент показался мне необычайно интимным, пускай мы и находились в люд-

ной столовой.

– Уже лучше. Спасибо.

Мэтт провел указательным пальцем по пластырю на моей ладони, словно захотел сам во всем убедиться.

Да, я в прямом смысле таяла от его прикосновений.

Я много раз представляла себе подобный момент. И все же сейчас испытала нечто иное. В моих мечтах Мэтт приглашал меня в свой мир! А сейчас он просто подошел и сел со мной за столик. Но это... было куда круче.

Более того, мы оба знали, что я к его миру не имела никакого отношения.

Однако здесь, рядом со мной, Мэтт не казался больше неприкасаемым. Возможно, потому что он прикоснулся ко мне.

– А твои кеды? – спросил он.

– С ними тоже все в порядке.

– Вот и замечательно, что все так получилось.

Если бы он только знал!

Он наклонился чуть ниже, и его бедро коснулось моего. А я еще думала, что у него только руки теплые... да от всего его тела исходил обжигающий жар! У меня аж дыхание перехватило.

– Насчет того, что ты слышала сегодня утром... – проговорил он.

Я покачала головой. Все-таки меня заметили.

– На самом деле я ничего не слышала. Я шла в класс и

только увидела, как вы о чем-то спорили. Но меня это не касается.

Мэтт облизнул нижнюю губу, слушая меня. Если таким образом он пытался сосредоточиться, мне хотелось бы заполучить его в напарники для подготовки какого-нибудь учебного проекта. Возможно, он позволит мне облизнуть ему губы вместо него. Он улыбнулся шире, заметив, что я его разглядываю.

С большим трудом я заставила себя посмотреть ему в глаза. На мгновение все вокруг исчезло. Мы снова оказались вдвоем в том туалете. Он изучал на меня так пристально, что мое сердце забилося еще быстрее.

– Просто никому ничего не говори, хорошо? – сказал он. – Мы сами все уладим.

Я кивнула, даже не понимая, с чем соглашаюсь. Но я доверяла ему. Трудно не поверить словам, слетающим с таких идеальных губ.

Он откашлялся.

– Прости, я не должен был упоминать об этом. Я не для этого к вам подошел. Просто подумал, – он вдруг наклонился ко мне еще ближе, – может, сходим...

– Мэттью! – воскликнула Изабелла. Она положила ладонь на его плечо. Я увидела, как ее ногти впились в ткань его пиджака. – Мне надо тебе кое-что сказать.

– У меня тут важный разговор, Виззи, – сказал он, смахивая руку.

Лицо у Изабеллы было такое, словно она сейчас его ударит. Я только не поняла, из-за чего именно: потому что он назвал ее «Виззи» или потому что отмахнулся? А может, причина заключалась и в том, и в другом? Хотя, честно говоря, куда больше меня заинтриговало ее прозвище.

Изабелла не ударила Мэтта, но и не ушла.

– Это срочно. По поводу *внеклассных занятий*. Мы недавно говорили об этом. Ты же помнишь? Я не знаю, стоит ли сообщать обо всем нашим друзьям.

Кажется, Изабелла попыталась одарить его милой улыбкой, но выглядело это так, словно она собиралась вонзить зубы ему в шею и выпить всю кровь.

Мэтт нахмурился.

– Да. – Он покачал головой и повернулся ко мне. – Давай тогда поговорим на уроке, хорошо, Бруклин?

Изабелла утщила его, прежде чем я успела ответить.

Тиканье часов, звучащее в моей голове, стихло. Бомба взорвалась. *Бум!* Ничего удивительного, что Изабелла меня так ненавидела. *Внеклассные занятия, ну конечно!* Я сглотнула комок в горле. Неужели они встречались?

– Тебя сегодня дважды за день пригласили на свидание, – сказала Кеннеди, не глядя на меня. – Кажется, это новый рекорд. – Она ковыряла вилкой свой батат фри.

Да что с ней такое случилось?

– Феликс пригласил нас обеих. А Мэтт не успел закончить свою мысль. Но не думаю, что он хотел позвать меня на сви-

дание.

Он убежал с Изабеллой, как только у него появилась такая возможность.

– Конечно, хотел. Эта дура Изабелла помешала ему.

– Может быть. – Нехорошее предчувствие завладело мной. – Думаю, на уроке все выяснится.

Кеннеди продолжала рассеянно ковырять вилкой еду в своей тарелке.

– Не хочешь рассказать, что у вас случилось с Феликсом? Зазвенел звонок, объявивший о завершении ланча.

– Звонок меня спас, – пробормотала Кеннеди и вскочила так быстро, что я даже не успела попрощаться.

Да и она не попрощалась со мной.

Я задержалась еще ненадолго за столиком. Мой новый приятель Феликс оказался наркоторговцем. Кеннеди сердилась на меня. А Мэтт, возможно, встречался с Изабеллой.

Какие еще неприятные сюрпризы приготовил мне день?

Глава 7

Понедельник

Наконец наступил мой последний в тот день урок – предпринимательская деятельность. Больше известный как «урок с Мэттом», так как за все это время Колдуэлла я изучала куда основательней, чем материал занятий.

Я села на свое обычное место позади Мэтта. Только там я могла абсолютно бесстыдно разглядывать его. И пусть все внутри меня сжималось из-за сегодняшних переживаний, я с предвкушением ждала нашей встречи. Подумать только: я смогу поговорить с Мэттом в этом классе! На сей раз я не стану притворяться, что за ланчем ничего не случилось, как я притворилась, будто ничего не видела утром. Мне нужно выяснить, не встречается ли он с Изабеллой. От этой мысли комок в животе сжался еще туже.

Мэтт и Роб вошли в класс прямо перед звонком.

Я улыбнулась Мэтту, а он... даже не посмотрел в мою сторону и просто сел впереди меня.

Я открыла было рот, но не нашла, что сказать. Такого я не ожидала. Неужели он будет вести себя, как будто в пятницу вечером ничего не случилось? Словно он не сидел со мной за одним столом во время ланча? Что, черт побери, это значило?

Я крепко сжала губы. Возможно, Мэтт просто торопился, так как боялся опоздать на урок? *Правда же?*

Мистер Хилл писал что-то на доске.

Я воспользовалась тем, что учитель был занят, и наклонилась немного вперед.

– Мэтт? – прошептала я.

Он не оглянулся. Даже не пошевелился. Как будто не услышал меня. Я потрогала горло: может, у меня в самом деле что-то случилось с голосовыми связками?

Девушка слева от меня хихикнула. Я ее узнала, одна из шестерок Изабеллы. Кажется, ее звали Шарлоттой.

– Размечталась, бедняжка, – усмехнулась она достаточно громко, чтобы услышали остальные ученики, и по классу разнеслась волна перешептываний и смеха.

Мэтт не засмеялся. Но и не пришел мне на помощь, как в пятницу. Он просто... сидел и делал вид, будто ничего не происходило. И почему-то это расстроило меня еще больше.

Однако Роб тоже в удивлении уставился на Мэтта, словно не понимал, какого черта творится с другом.

Видимо, не только мне его поведение показалось странным.

– Ты находишься здесь. – Шарлотта положила руку на парту. – А Колдуэлл – вот здесь. – Она подняла руку над моей головой. – Почему ты вообще пытаешься заговорить с ним?

– Потому что мы друзья, – сказала я, обращаясь, скорее к затылку Мэтта, чем к ней.

И хотя я искренне верила в то, что сказала, мои слова прозвучали больше как вопрос, чем как утверждение. Ведь сейчас мне требовалась помощь друга. А Мэтт? Он не обращал на меня внимания, словно все сказанное Шарлоттой являлось правдой.

Мэтт пригладил золотые волосы ладонью и вновь промолчал. Однако я заметила, что его плечи поднимались и опускались быстрее обычного. Как будто он тяжело дышал. Или пытался сдержать смех?

Он старается не рассмеяться надо мной. Эта мысль обрушилась на меня, как тонна кирпичей. На самом деле он с ней согласен.

Роберт еще раз посмотрел на друга, а затем отвернулся и выпалил:

– Шарлотта, может, оставишь ее в покое? Я, конечно, понимаю, что все от тебя только и ждут чего-нибудь подобного, ведь ты одна из подхалимок Изабеллы.

Она бросила на Роба злобный взгляд.

– Это касается только меня, ее и Мэтта. Ты тут ни при чем.

– Еще как при чем, если ты...

– Не-ет, – распела Шарлотта, намеренно растягивая гласную. – Она – неудачница. Никто не будет с ней дружить, включая тебя, Роб. Так что хватить притворяться, и не пытайся изображать из себя рыцаря в сияющих доспехах. Мы оба знаем, что она этого не заслуживает.

Еще больше учеников отреагировали на эту реплику сме-

хом. Я почувствовала, как уголки глаз защипало от слез. Шарлотта снова обратилась ко мне:

– Может, тебе лучше вернуться в обычную школу? Никто, абсолютно *никто* не хочет, чтобы ты здесь училась.

Карандаш в руке Мэтта треснул, расколовшись пополам.

– Правда, Мэтт? – спросила Шарлотта. – Разве ты не хочешь, чтобы она исчезла?

У меня свело горло. Что она имела в виду? Наверняка какую-то глупость. Хотя я не сомневалась, что богачи вроде нее без проблем могут сделать так, чтобы человек пропал без следа.

– Пуф! Исчезни! – Она щелкнула пальцами.

– Заткнись, Шарлотта, – внезапно отчеканил Мэтт. Его голос был таким ледяным, что я замерла на месте.

Он даже не удостоил ее взглядом, продолжал смотреть на доску.

– Но это же... так и есть! – не унималась Шарлотта. – Он никогда не станет встречаться с тобой, Брук, или как там тебя зовут. И никогда больше не заговорит. Я в этом абсолютно уверена.

– Бруклин. *Меня зовут Бруклин.* – Не знаю, по какой причине я решила возразить ей только сейчас. Как будто неожиданно осознала: единственное, что у меня никто не отнимет, – мое имя. – Урок уже начался, мисс Сандерс. – Учитель постучал мелом по доске. – Почему бы вам, как и всем остальными, не открыть учебник на странице двадцать семь

и не зачитать вслух раздел об инновациях.

Шарлота захихикала.

Мое лицо покраснело. Неужели мистер Хилл выставял лишь меня виноватой во всем? Шарлотта в течение нескольких минут донимала меня! А мне запрещалось ей ответить?

Кеннеди рассказывала, что ходили слухи, будто мистер Хилл ненавидел учеников, получавших стипендию. Он заискивал перед богатенькими сынками, чтобы те спонсировали его безумные предпринимательские идеи. Или что-то в этом духе. Я бы с удовольствием пропускала его занятия, но только на них мы пересекались с Мэттом. Впрочем, мистер Хилл не доставлял мне проблем... до этих пор.

– Итак, я слушаю, мисс Сандерс. Или вы хотите провести оставшуюся часть урока в кабинете директора?

Я открыла страницу, номер которой он написал на доске, и начала читать.

Мистер Хилл снова постучал мелом по доске.

– Я просил вас прочитать раздел об инновациях. А вы начали на три параграфа выше. Будьте внимательны.

Теперь мне казалось, что надо мной смеются все.

Плечи Мэтта по-прежнему двигались так, словно он пытался сдержать смех. Мой взгляд упал на сломанный карандаш, и внезапно я поняла: он не смеялся. Мэтт... злился. Ярость волнами исходила от его тела.

Я резко отвернулась, ведь тоже злилась, но на саму себя. Что бы там ни думала Шарлотта, мне не требовался рыцарь

в сияющих доспехах. Мне нужен был друг, и в этом отношении он меня подвел.

– Последнее предупреждение, мисс Сандерс.

Да что ж я творю!

Я пялилась на Мэтта вместо того, чтобы выполнить задание учителя. Вновь взялась за текст, но начала его читать на три параграфа ниже. Вокруг все хихикали, я запинаясь, и тогда все смеялись еще громче. Я ждала, что мистер Хилл пресечет издевательства. Но помощь с его стороны так и не пришла. Он заставил меня читать страницу за страницей, пока не прозвенел звонок.

Слава богу! Мое горло горело. Еще никогда в жизни я не говорила так много, а в ушах до сих пор стоял смех одноклассников. Я с трудом сдерживала слезы.

– В следующий раз не разговаривайте во время урока, мисс Сандерс, – пригрозил мистер Хилл. – Занятие окончено.

Я не удивилась, когда Мэтт встал и направился к двери, не сказав мне ни слова. Но в последнюю секунду он обернулся и посмотрел на меня. Я знала этот взгляд. Он выражал жалость. Точно так же люди смотрели на меня после смерти мамы. Но Мэтт ничего не знал о моей маме. Да и обо мне тоже. И мне не нужна была его жалость. Мне от него вообще ничего не было нужно. Ни здесь, в этой классной комнате, ни где бы то ни было еще.

– Пока, Брук, – чирикнула Шарлотта, поспешив за Мэт-

том.

– Бруклин, – хрипло проговорила я. – Меня зовут Бруклин.

Я снова поправила ее, хотя меня никто не слушал. Шарлотта попала в яблочко – мне здесь не было места. И ладно бы меня ненавидели только мои одноклассники, так еще и учитель начал ко мне придираться.

Я пулей вылетела из класса, забрала вещи из шкафчика и запихнула их в рюкзак. Да пошли эти тупые уроки предпринимательства куда подальше! Да пошел этот Мэтт! Вся «Эмпайр-Хай»! Меня достала эта школа! И я больше не хотела здесь находиться. Уйду домой.

Стоило мне об этом подумать, как раздался щелчок фотоаппарата, но я не повела бровью.

– Почему ты забираешь все свои вещи? – спросила Кеннеди.

Я не ответила.

Она прислонилась к соседнему шкафчику.

– Решила не общаться со мной? Ясно, – проговорила она со вздохом. – Я должна извиниться перед тобой за то, как повела себя. Просто, когда я только начинала здесь учиться, мне показалось, что я нравлюсь Феликсу. И минут на пять я, возможно, тоже увлеклась им... потому что этим парнем сложно было не увлечься! А потом выяснилось, что он хотел продать мне травку. Наверное, я до сих пор обижена. – Она схватила меня за руку, не давая убрать в рюкзак оставшиеся

книги. – Бруклин, я серьезно, что ты делаешь? Я же извинилась.

– Я больше так не могу.

Слезы, которые я сдерживала последний час, едва не хлынули из глаз.

– Чего ты не можешь? Что произошло?

Я покачала головой, и все – слезы ручьями потекли по щекам.

Кеннеди закрыла мой шкафчик, пока я не забрала что-нибудь еще, и потащила меня в туалет. Я думала, что она сейчас забросает меня миллионом вопросов. Но она просто обняла меня.

Она держала меня в объятиях, а я все плакала и плакала.

Какая же я идиотка! Могла бы порадоваться, что нашелся человек, готовый меня поддержать, а вместо этого грустила, ведь Мэтт не пошел за мной в туалет и не захотел убедиться, все ли со мной в порядке.

Я разрыдалась еще сильнее.

Шарлотта оказалась права. Мэттью Колдуэлл был богом этой школы. И все мои мечты о том, что я когда-нибудь буду встречаться с парнем вроде него, казались просто смешными. Все это прекрасно понимали.

– Не хочешь рассказать, что случилось? – спросила Кеннеди, глядя меня по спине.

– Да нечего тут рассказывать. – Я всхлипнула и отстранилась. – Мэтт не разговаривал со мной в классе. Даже не

поздоровался. Он просто сидел и ничего не делал, когда эта шестерка Изабеллы Шарлотта минут пять наезжала на меня. Не понимаю, что произошло! Мэтт притворился, будто меня не существует! А потом мистер Хилл накричал на меня за то, что я разговариваю на уроке, и заставил целый час читать вслух.

Кеннеди поморщилась.

– Так, кого я должна убить в первую очередь... Шарлотту, Мэтта или мистера Хилла?

Я засмеялась.

– Вот видишь, тебе уже стало лучше. Забей на них. – Подруга снова обняла меня. – Кому они нужны?

– Мне хочется домой, – сказала я, так и не ответив на ее вопрос.

Честно говоря, мне нужен был Мэттью Колдуэлл. После того, как я похоронила маму, он был единственным, кто заставлял меня чувствовать себя живой, заставлял чувствовать собственное сердцебиение, и я очень боялась отпустить это чувство, ведь рисковала снова утонуть в боли.

Однако уже в следующий миг на меня снизошло озарение.

Пока я рыдала в уборной и жалела себя, я поняла, что все эти дни находилась в иллюзии! Я по-прежнему тонула. Тонула уже несколько недель.

– Пошли домой.

К сожалению, Кеннеди не поняла меня. Я не хотела возвращаться в дядину квартиру. Я хотела вернуться в Делавэр.

Где жили люди, которые знали меня всю жизнь, люди, которые улыбались, когда я проходила мимо, а не провожали злобными усмешками. Мне хотелось прийти на могилу матери и рассказать ей об этом ужасном дне. Но я была слишком далеко от нее. И не знала, как долго еще смогу продержаться теперь, когда она была так далеко от меня.

Глава 8

Пятница

Я отбросила со лба мокрую от пота челку, когда мы победили четвертую милю.

– Так ты придешь вечером? – спросил Феликс. Он совершенно не выдохся, хотя по-прежнему предпочитал проводить большую часть урока на трибунах. Сегодня, однако, у него не было выбора, потому что остальные ученики играли на улице во фрисби-гольф, и тренер Картер хорошо видел трибуны и беговую дорожку.

Мне хотелось пойти на вечеринку Феликса. Что бы там ни говорила Кеннеди, но он казался мне неплохим парнем. После нашей первой встречи на трибунах он каждый день разговаривал со мной. Редкость в «Эмпайр-Хай». Я пыталась прогнать от себя мысли о Мэтте. Не понимала, почему та глупая встреча в туалете так запала мне в сердце. Мэтт оказался засранцем. С понедельника он делал вид, будто меня не существует. Слово я была той самой невидимкой, которой всегда себя ощущала. Но с каждым днем обида ощущалась уже не так остро, словно мы с ним и не были знакомы. Кроме того, я привыкла жить, терпя душевную боль. Какая разница, если у меня на сердце появился еще один шрам? Я уже сожалела о том, что он вообще заговорил со мной.

Что же до Феликса... Я посмотрела на него краешком глаза. Добрый, милый, симпатичный. *Продает наркотики.*

– Кто еще приглашен? – спросила я.

Он улыбнулся.

– Значит, ты все-таки придешь.

– Я этого не сказала. Я же говорила, что у меня сегодня вечером работа.

Но я осознавала, что улыбаюсь ему в ответ. Он уже второй раз приглашал меня на свою вечеринку. Я все время думала об этом. Дома я не ходила на вечеринки, но не только потому, что у меня на это не было времени. Просто меня никто не приглашал. – Я уже сказал тебе, что эта вечеринка будет до утра.

Я рассмеялась, хотя на самом деле мне просто хотелось узнать точное время, когда тусовка завершится.

– И ты, кстати, не ответил на мой первый вопрос. – Честно говоря, я переживала, что там соберется кучка наркоторговцев. Или наркокурьеров. Или каких-нибудь еще более зловещих личностей. – Если ты переживаешь, что там будет Изабелла, то я ее не пригласил. И сомневаюсь, что она бы пришла.

– Почему это?

– Ты еще не поняла? – Феликс подбежал чуть ближе и прошептал: – Я не один из них. – Он кивнул в сторону остальных учеников, игравших во фрисби-гольф на соседнем поле.

– Плохо играешь во фрисби? Знакомо. Когда я бросаю

фрисби, диск вечно приземляется не там, где мне нужно. Именно поэтому сегодня я выбрала бег. – Хотя, по правде говоря, я всегда выбирала бег. – Нет, новенькая. Я не один из них, потому что не происхожу из древнего рода, владеющего огромными капиталами из поколения в поколение. Мои родители не учились здесь, в отличие от родителей большинства учеников. Студенты со стипендией – не единственные изгои на этой помойке.

На этой помойке? Мы бежали по дорожке, которая в прямом смысле слова стоила огромных денег. Но я поняла, что он хотел сказать.

– Тем не менее, ты им нравишься.

– Нет. Я им нужен. Это огромная разница.

– Почему ты им нужен? – Я сразу же поняла, какую глупость сморозила. Он продавал им наркотики.

Его улыбка стала шире.

– Я просто достаю то, что им нужно.

Кеннеди думала, что Феликс заговорил со мной, чтобы я стала его клиенткой. Но он никогда не обсуждал со мной свои делишки. Возможно, он почувствовал, что я не желала иметь с этим ничего общего.

Я вспомнила о том разговоре между «Неприкасаемыми», который подслушала в понедельник утром. Каким растрепанным выглядел Джеймс. Неужели он принимал наркотики? Наркотики, которые продавал ему Феликс? Сама не знаю, почему меня это так встревожило. Но Джеймс все ни-

как не шел из головы. Я знала, как внезапно может оборваться жизнь. Складывалось впечатление, что Джеймс намеренно пытался свести с ней счеты. Мэтт сказал, что обо всем позаботится, но я не верила ни единому его слову.

– Почему ты их продаешь? – спросила я, ускоряя бег. – У тебя ведь нет нужды в деньгах.

– А почему все в этой школе принимают наркотики? – ответил Феликс вопросом на вопрос. – Они могут получить что угодно, верно? По щелчку пальцев! Но все дело в кайфе, новенькая. Он помогает убежать от действительности. Почувствовать себя живым.

Только потому, что ты принимаешь наркотики? Или продаешь их?

Я всегда считала, что живой ты, пока бьется твое сердце. Но еще я понимала, каким лицемерным было это утверждение. Ведь я убедила себя, что лишь присутствие Мэттью помогало мне ощутить счастье. Он стал моим кайфом. Моим дурманом. И я знала, что должна вывести из своего организма этот наркотик. Одного только биения сердца мне было более чем достаточно. Я справлюсь и без Мэтта.

– Знаешь, что еще помогает почувствовать вкус жизни? – спросил Феликс. – Вечеринки.

Я засмеялась.

– Постараюсь прийти. Если смогу убедить Кеннеди.

Это «если» было ключевым. Потому что Кеннеди уже один раз отказалась, а я сомневалась, что мне хватит смелости

сти пойти туда одной, без нее.

Тренер Картер свистком объявил о завершении урока.

– Напиши мне, чтобы я рассказал, как добраться. – Феликс достал из кармана ручку и зубами снял с нее колпачок. Затем он написал номер своего телефона на тыльной стороне моей ладони.

Я не призналась, что мобильного у меня не имелось и я не смогла бы написать ему сообщение, даже если бы захотела. А я хотела. Феликс не слыл изгоем, в отличие от меня. Но, по его словам, он все равно ощущал себя одиноким. Возможно, ему, как и мне, не помешали бы настоящие друзья.

Феликс поднес мою руку к своим губам. На секунду я подумала, что сейчас он поцелует ее, как принц из диснеевского мультфильма. Но он только подул на ладонь, чтобы чернила высохли.

Холодок пробежал по спине. Как же я сразу не догадалась? Принцы не торгуют травкой.

– Я тебе обещаю, – сказал он, – сегодня вечером ты поймешь, что такое жить по-настоящему.

Я чувствовала, что от Феликса не стоило ждать ничего хорошего. *Знала*. Но впервые в жизни мне было все равно. Какой смысл следовать правилам? Не существовало никакой гарантии, что меня вообще ждало какое-то будущее. Я не сомневалась – биения сердца недостаточно. Мое сердце билось, но я все равно чувствовала себя так, словно... все потеряла. Каждый удар напоминал мне о том, что сердце моей

мамы остановилось.

Я не догадывалась, как именно Феликс собирался сдержать свое обещание. Но хотела, чтобы он попробовал сделать это. Оставалось только убедить Кеннеди.

* * *

– Нет, – сказала Кеннеди и со стуком опустила свой поднос на стол в кухне отеля.

У нас оставалось несколько минут перед подачей десертов. Эти несколько минут – мой последний шанс убедить ее.

– Но... – начала я.

– Нет, боже, я поняла, что ты примешься уговаривать меня пойти на эту дурацкую вечеринку, когда увидела телефон Феликса на твоей руке.

Я попыталась смыть цифры, хорошенько их заучив. Меньше всего мне хотелось, чтобы дядя задавал лишние вопросы. Или же Кеннеди.

– Не понимаю, почему ты так рьяно отказываешься.

Кеннеди поставила руки в боки.

– Мы и так всю неделю торчим в школе с этими ребятами! Неужели тебе хочется пойти с ними еще и на эту идиотскую тусовку?

– Есть одно важное «но». – Я заговорчески шагнула вперед, а подруга смирила меня хитрым взглядом. – Изабелла не приглашена.

– Я бы на это особо не рассчитывала. Изабелла умеет эффектно появиться. Думаю, что она ведьма. – По крайней мере, она точно монстр.

Кеннеди наконец-то улыбнулась.

– Я все равно не понимаю, почему так ты хочешь туда пойти. Даже если там не будет Изабеллы, возможно, придет Мэтт. А ты вроде бы решила избегать его до окончания школы.

Да, такой план имелся, хотя я сомневалась, что исполнить его в моих силах, ведь Мэттью на занятиях по предпринимательской деятельности сидел прямо передо мной. Может, сесть *перед* ним, и тогда я быстрее его забуду? По крайней мере, он обо мне уже давно забыл. Кто знает, вдруг этот вариант действенный.

Впрочем, сейчас мне было не до Мэтта. Плевать, придет он или нет. Феликс сказал, что сегодня я вспомню, каково это – жить по-настоящему, а это все, что мне необходимо. Я не хотела возвращаться в квартиру дяди и торчать в своей комнате, которая даже не являлась моей на самом деле. Я мечтала хотя бы на одну ночь забыть о том, что моя жизнь распадалась на части.

Я расставила на подносе последние яблочные розочки.

– Может, мне хочется пойти, потому что раньше меня никогда не приглашали на подобные мероприятия.

Кеннеди засмеялась, но совсем скоро улыбка исчезла с ее лица. Она нахмурилась и спросила:

– Постой, ты серьезно? – И снова эта жалость. Я привыкла к таким взглядам. Но не ожидала увидеть его у Кеннеди. – Но почему?

Никто не собирался звать на вечеринку девчонку, мама которой умирала? Не знаю. Наверное, я просто была ужасной занудой. Но вместо того, чтобы ответить нечто в этом духе, я только пожала плечами. – Я все время работала. Или ходила в больницу.

– Кхм... – Кеннеди подняла взгляд. Она несколько раз медленно вздохнула, как будто собиралась сказать нечто очень неприятное. Меня это не на шутку взволновало. – Ладно. Заглянем к нему ненадолго.

– Правда?

– Да. Если только ты уверена, что не хочешь умыкнуть бутылку шампанского и провести этот вечер гораздо интереснее со мной.

– Звучит заманчиво... но мне очень хочется поехать к Феликсу.

Кеннеди надула губы, словно моя просьба сильно ее оскорбляла.

– Отлично! – буркнула она. – Но за такси платишь ты.

– Договорились.

– Если ты меня бросишь, я тебя убью. – Подруга тоже начала раскладывать десерты на своем подносе.

– Мне подобное и в голову не придет! – Ради кого, по ее мнению, я могла так грубо поступить? – Я буду держаться

рядом, честное слово. Только не ругайся постоянно с Феликсом.

– Я не ругаюсь. Я просто честная. – Кеннеди решительно подняла поднос одной рукой. – И мы не можем оставаться там допоздна, ясно? Иначе моя мама будет переживать. Званные ужины, которые мы тут обслуживаем, заканчиваются в час ночи. Дольше нам нельзя задерживаться.

Будет ли дядя волноваться за меня? Он никогда не говорил, к какому времени я должна возвращаться домой. Но я раньше и не давала ему повода переживать.

– Хорошо.

– И...

– Сколько еще будет таких «и»? – взывала я.

Кеннеди засмеялась.

– Всего одно. Пообещай, что не будешь курить траву или делать чего похуже.

– Обещаю.

Боже, а вдруг именно таким образом Феликс собирался мне напомнить, что значит жить по-настоящему?

– К счастью, я взяла сменную одежду для нас обеих. Она у меня в сумке.

Меня мучило множество вопросов. Но самый главный из них... Что это за микроскопическая одежда, если она уместилась у Кеннеди в сумочке?

Глава 9

Пятница

Орнамент на двери удивительно походил на тот, что украшал входные двери «Эмпайр-Хай». Феликс сказал, что устраивает вечеринку у себя дома, но мы стояли не перед обычным домом. И не только потому, что он оказался многоквартирным. Когда мы вошли в фойе, нас встретил швейцар. А в лифте играла музыка. Толстый ковер у нас под ногами выглядел дороже, чем весь дом моей мамы.

– Мы, наверное, ошиблись адресом.

Кеннеди сфотографировала мое удивленное лицо. – Нет, адрес верный.

– Уверена? – Я расправила юбку, которую меня заставила надеть Кеннеди. Она была слишком короткой. Странно, ведь Кеннеди выше меня ростом. Значит, на ней эта юбка не прикрыла бы даже попу! Наверняка поэтому она и всучила ее мне. Длинноногая, смуглая Кеннеди потрясающе смотрелась в облегающем платье и в спортивных балетках. А я выглядела именно так, как и ощущала себя – унылым троллем. Да, именно такое определение я себе придумала. – Наверное, нам лучше вернуться домой.

– Мы же только что приехали. Ты ведь не собираешься бросить меня здесь одну? – Кеннеди схватила меня за руку

и потащила к дверям квартиры. Я услышала гроыхающую музыку.

– Но я бы предпочла прийти сюда в своей рабочей одежде, а не в этой нелепой юбке.

– Ты выглядишь круто.

Я покачала головой. Мне не хотелось выглядеть круто. Я хотела быть самой собой. Я была унылым троллем, а совсем не крутой.

– И я не думала, что Феликс живет в... таком месте.

Он говорил, что его семья небогатая. Но эта квартира буквально кричала о богатстве.

– Все, кто учится в нашей школе, живут в похожих местах. Ты к этому привыкнешь. – Вместо того, чтобы постучать, Кеннеди распахнула дверь и вошла внутрь, таща меня за собой.

Квартира оказалась просто огромной. И такой же роскошной, как и весь дом. Но если сам дом был оформлен в классическом стиле, то квартира Феликса была обставлена по последнему слову дизайна: сплошные острые углы и холодный камень. В прихожей висела современная картина, которую, казалось, нарисовал пятилетний ребенок. Стоила она, правда, наверняка сотни тысяч долларов. Единственное, что здесь совсем не сочеталось с атмосферой роскоши, – оглушительная музыка. Как бы толпа не проломила мраморный пол...

– Давай что-нибудь выпьем! – крикнула сквозь музыку

Кеннеди и потащила меня дальше.

Народу было так много, что нам пришлось протискиваться сквозь толпу. А Феликс еще говорил, что он не вписывается в нашу школу. Если бы я решила устроить вечеринку, на нее пришли бы только они с Кеннеди.

Я провела у Феликса всего пару минут, но уже не сомневалась, что моя тусовка на троих получилась бы куда лучше. Здесь всего было чересчур. Я даже с Кеннеди не могла нормально поговорить, настолько громко звучала музыка. Кеннеди завела меня на кухню, где поместился бы весь дом моего дяди!

– Держи, – сказала она, вручив мне пластиковый стаканчик.

– Что это?

Она пожала плечами.

– Какой-то пунш.

Здорово! Мне нравился пунш. Я отхлебнула большой глоток. Пунш оказался очень вкусным. Хоть что-то на этой вечеринке меня порадовало.

– Может, поищем Феликса? – спросила я.

– Не стоит, – ответила Кеннеди и кивнула мне за спину.

Не успела я повернуться, как Феликс обнял меня. – Ты все-таки пришла! – Он улыбнулся, не разжимая рук.

Мне показалось, он с самого начала не сомневался – я сделаю все, чтобы прийти. Причем он раскусил меня еще до того, как я сама осознала это желание.

– Да, закончили работу пораньше.

– Сегодня моя счастливая ночь. Выглядишь очень красиво. Как и всегда.

Я почувствовала, как краснеют щеки.

Кеннеди сфотографировала нас обоих. Феликс поднял голову.

– В чем дело, Кеннеди?

– Отличная вечеринка, – сухо ответила она, но голос звучал фальшиво, а глаза были прикованы к дисплею фотоаппарата. Кеннеди ведь обещала вести себя хорошо! Я сделала еще один глоток пунша.

– Давайте я вам здесь все покажу, – предложил Феликс.

– Я тут уже была. Забыл? Ну да, конечно, забыл. Ладно, идите, а мне надо сделать еще пару фотографий. – Она подняла свой фотоаппарат.

– Надеюсь, не для того, чтобы потом меня шантажировать? – усмехнулся Феликс.

– Я же не какая-нибудь засранка. В отличие от некоторых.

Кеннеди исчезла в толпе, прежде чем я успела остановить ее. Я пообещала, что не отойду от нее ни на шаг. Но она воспользовалась первой же возможностью, чтобы отделаться от меня.

– Извини, – сказала я. – Она обещала, что постарается держать себя в руках.

– Мне кажется, Кеннеди просто не особо доброжелательная. Давай я еще налью тебе.

Он схватил мой стаканчик.

Неправда. Кеннеди всегда была доброжелательной. Во всяком случае, со мной. Я сразу же вспомнила, как на прошлых выходных спросила у нее про причину нашей дружбы. Да, мама попросила ее познакомиться со мной, быть *доброжелательной*, но мы все равно отнеслись друг к другу искренне. Кеннеди являлась одним из самых замечательных людей в моей жизни! И Феликс лишь немногим уступал ей в моих глазах. Даже странно, что они не дружили. Мне стоило подробнее расспросить Кеннеди о том, что между ними произошло. По ее словам, ей казалось, что она нравилась Феликсу, но сама она увлеклась им не больше, чем на пять минут. Возможно, она до сих пор обижалась на него. Но почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.